

Сюй Чжи-мо.
ЗАМЕТКИ О ПУТЕШЕСТВИИ В ЕВРОПУ —
ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ ИЗ СИБИРИ

DOI 10.69538/PV.2024.47.66.004

Перевод И. А. Алексеева, комментарий А. С. Чететкиной
Пекинский педагогический университет,
Сычуаньский университет

Справка об авторе: Сюй Чжи-мо (徐志摩, 1897—1931) — китайский поэт. Родился в провинции Чжэцзян; до 1918 г. обучался праву в университетах Тяньцзиня и Пекина, после чего отправился в США, а затем — в Англию. Во время учебы в Королевском колледже при Кембридже, он начал интересоваться поэзией европейского романтизма и по возвращении в Китай в 1922 г. стал одним из первых китайских поэтов-романтиков, чья творческая манера сформировалась под влиянием западной традиции (Джон Китс, Перси Биш Шелли, Томас Харди, Данте Россетти, и др.).

В 1924 г. Сюй Чжи-мо вместе с Ху Ши (胡適, 1891—1962) и Вэнь И-до (聞一多, 1899—1946) основал поэтическую группу «Новолуние» (新月派), делавшую ставку на независимость искусства от политики и поиск путей для синтеза западных и китайских форм стихосложения. В марте-июле 1925 г. поэт совершил путешествие в Европу — проездом через Россию. В последующие несколько лет Сюй Чжи-мо с разной периодичностью преподавал в вузах Китая (преимущественно на кафедрах иностранных языков).

В 1931 г. поэт погиб в авиакатастрофе.

На русский язык Сюй Чжи-мо переводил востоковед Л. Е. Черкасский (1925—2003); так, отдельные стихотворения поэта вошли в сборник «Дождливая аллея. Китайская лирика 20-х и 30-х годов» (М., 1969).

Часть текстов, включенных в настоящую подборку, уже была опубликована по-русски. Так, «Сибирь» была размещена на портале «Магазета» еще в 2018 г., а перевод эссе «Москва» вошел в альманах «Уральское востоковедение» за 2021 г.¹

Следует отметить, что помимо приведенных ниже заметок и писем, в собрании сочинений Сюй Чжи-мо находится еще по меньшей мере с десяток текстов различной жанровой принадлежности, тематически прямо соотносящихся с «русской» / «советской» темой. Хочется надеяться, что настоящая публикация поспособствует более полному освоению «русского» текста не только в корпусе трудов поэта, но и в китайской литературе начала XX в. в целом².

---

¹ См.: <https://magazeta.com/translate-xuzhimo>; <https://elar.urfu.ru/handle/10995/105459>.

² Переводы выполнены по изданию: Сюй Чжи-мо цюаньвэнь / Хань Ши-шань бянь (徐志摩全集 / 韩石山编 Полное собрание сочинений Сюй Чжи-мо / Под ред. Хань Ши-шаня). Тяньцзинь, 2005.

1. ПРЕДИСЛОВИЕ

Стоит только дать обещание, на душе тотчас будто бы образуются узел. Не развяжешь его за день — так и будет болтаться, напоминая о деле. «Не возьмешь на себя обязательств — не почувствуешь совести тяжесть», — фраза эта здесь как нельзя к месту. Кто ж надоумил меня стать информатором? За весь свой «сибирский путь» я отправил всего лишь одно письмо, а после вот уж полмесяца как не посылал ни строчки. С долгом же всегда так: чем дольше тянешь, тем трудней рассчитаться. Вот и тяготит меня что ни день своей тяжестью узел, все никак не отвяжется. В то же время мне точно известно, что в этот самый момент есть люди, самоуверенно твердящие:

«Ты взгляни, так и знал, что на него нельзя положиться. Как обещал-то перед отъездом! Будет отчитываться, обо всем расскажет. А только отчалил — ищи ветра в поле. Почти как два месяца ждем, хотя бы строчку прочесть!».

Но друзья, поверьте, у меня и в мыслях не было разочаровывать вас: если я до сих пор не писал, то отнюдь не от лени, хоть и сказать, что она меня вовсе не посещала, я не могу. И уж тем более не потому, что мне нечего было сказать вам, — Господь свидетель! Столько дней вдали от родины, грех было бы жаловаться на однообразие и скуку. Слов у меня достаточно, я бы даже сказал, что я ими теперь переполнен. Но в том и трудность, чтобы сейчас опустошить слишком раздавшиеся закрома. И не меньше трачу я времени, размышляя о том, как именно следует мне высказаться. Я пробовал представить себя обычным репортером, чья единственная заповедь: «Видишь новость — пиши». В самом деле, ведь нет ничего проще: знай себе ежедневно прочищай хорошенько уши, не забывай прихватить их, как выходишь и не позволяй им дремать почем зря. К ним неплохо бы иметь тетрадку под запись вечно кочующих слухов да к ней перьевую ручку в придачу. Ухо нашепчет сплетню руке, рука — ручке, ручка — бумажке, вот и всё, разве нет? Однако нет у меня к репортерству никакого природного дара: уши недостаточно чуткие, а рука недостаточно скорая. Глуповат я к тому же: мысли мои ворочаются неспешно, а иероглифы, что выходят из-под пера, один другого строптивей. И думать забудь, что они сами сподобятся что-либо тебе сообщить. Пока сам не выкажешь им интереса, так и будут молчать. Или вот, например, были бы у меня задатки живописца. Приметил подходящий пейзаж или выцепил взглядом неординарного человека и в ту же секунду бросился изображать. Это самый прямой способ схватить и воплотить вдохновение, и с ним не нужно беспокоиться о том, что не вышло полноценного от-

чета — всегда найдется деталь, которая удержит внимание созерцающего.

Хочется верить, что вы согласились тратить свое время и силы на чтение моих наблюдений не в надежде заменить ими новостные сводки: выступление Муссолини, президентство Гинденбурга, смену французского правительства и мало ли что еще¹. Страницы записной книжки вашего европейского корреспондента недостаточно вместительны для столь обширных тем. Не ждите также сенсаций или шумихи — в частном порядке могу поведать вам, что не связываю свою поездку ни с наживой, ни с авантюрами. Мне нет никакого интереса нарочно подставлять ногу под колесо автомобиля, жертвовать кошелек господам-щипачам, лишь бы наделать шума. Подобных происшествий я рассчитываю избежать. Сам я вижу себя простым неприметным туристом, и Европа в моих глазах — тоже не более чем кучка простых неприметных городов. Если уж я и сподоблюсь на несколько фраз, то и они будут вполне себе будничными.

В частности, как раз эта повсеместная будничность и является одной из причин моей писательской засухи. Вот предположим, мне бы довелось увидеть корриду. Бык и тореадор — оба облаченные в алое; сотни тысяч восторженных глаз; воздух, рвущийся под натиском криков и аплодисментов... Тогда я бы сделал свои записи и называл бы их «Лицезревший корриду». И вам бы угодил, и самому бы мне было легко описать это зрелище. Но ведь теперь и подсмотреть за таким не удастся — говорят, в Испании бои быков уже под запретом. В наши дни не только корриды, простой драки никак не увидеть. Жизнь стала мирной. Ты просто переезжаешь из одного отеля в другой, изредка пересекая между ними границы государств. И везде, везде тебя встретят одинаково приветливые «бóи» — стоит только потрясти кошельком, и от их улыбок будет уже не скрыться. Не в этих же растиражированных лицах искать вдохновения для сочинительства. Взять хотя бы итальянцев, уж на что казалось должен быть вспыльчивый и склочный народ, да вот что-то и его нрав охладел в последнее время. Если вы читали «Венецианскую жизнь» Хоуэллса², то наверняка помните прекрасный пассаж, посвящен-

¹ Выступление Муссолини — речь, произнесенная им 3 января 1925 г. и ставшая одним из ключевых этапов становления фашистской диктатуры в Италии (здесь и далее — примечания А. С. Четкиной). Пауль фон Гинденбург (1847—1934) — генерал-фельдмаршал, с 1925 по 1934 г. — президент Веймарской республики. Смена французского правительства — в апреле 1925 г., в результате чего новым премьер-министром стал Поль Пенлеве (1863—1933).

² «Венецианская жизнь» («Venetian Life», 1866) — книга американского писателя Уильяма Дина Хоуэллса (1837—1920) о годах, проведенных им в Венеции в должности консула.

ный перепалке гондольеров, и уж конечно — по приезде в Италию вы обязательно ждете, что рано или поздно сами станете свидетелем чего-либо подобного. Но отнюдь! Я здесь уже больше месяца и так и не увидел ни единого подтверждения знаменитого южного темперамента. События минувших двух месяцев я обсудил сам с собой — мне уже не удастся извлечь из них никакого особенного писательского импульса. Тем не менее узел, повязанный обещанием, не становится слабее. Моя ненавистная совесть ежедневно дает о себе знать, толкает под локоть и говорит: «Эй, давай поторапливайся, люди ждут!»

Сделать обычные путевые заметки я бы не смог, сколько ни проси. В конце концов, это ведь затертая до дыр Европа, а не просторы Ледовитого океана или пески африканской пустыни — кому будут нужны такие записи! Опубликовать свой личный дневник я бы тоже не согласился, да и стоит ли доставать скелеты из шкафа на всеобщее обозрение. А уж если совсем начистоту — не так много я и записал за этот срок. Можно было бы притвориться, что я состою с читателем в переписке — это тоже вариант. Однако и здесь не удастся миновать затруднений. Если вообразить пред собой лучшего друга или близкую подругу, то есть риск скатиться в пустую болтовню; если же представить дальнего знакомого, то придется чересчур следить за языком, что тоже не есть хорошо. Ах, друзья, вы справедливо разочаровывались во мне! Только что во вступлении я обещал вернуть вам должок, но в итоге так и проплутал пером по бумаге. Всё без толку: что сказать, как сказать — без понятия! Кто я теперь, если не обманщик? Но если перу придет охота, то тут я как следует позабочусь и о стиле, и о репутации.

2. ДОБРОВОЛЬНАЯ ССЫЛКА

«Кто ж заставил тебя уехать? Поделом теперь», — такого мнения мои пекинские друзья. Я человек чувства: отец приболел, но это ему хотелось, чтобы я поехал, так что мне ничего не оставалось, кроме как согласиться. Много кто из знакомых был тогда против, они говорили: «Отец уже одной ногой на том свете, как ты собираешься проводить его в последний путь? Сдавай билет, пока не поздно! Неправильное это время для поездки в Италию, почему бы не переждать? А там и получше шанс представится». Сейчас же перекуды их таковы: «Гляди, уж не шутку ли сыграл с тобой старик? Сперва хотел, чтобы ты уехал, а сам приказал долго жить. И вот ты в одиночку должен изображать траур в Европе. Что тебе там? Скорее возвращайся!»

3. ВДАЛИ ОТ СТОЛИЦЫ

Собираясь в путь, я всегда беру с собой набитый бумагами чемодан. В нем обычно лежат черновики, письма, дневники... большая часть из этого не для чужих глаз. Однако в этот раз все иначе: «тайнам» нет больше места в поклаже, их место заняли несколько комплектов одежды и пара-другая томов — хоть предлагай себя обыскать. Самому до конца неясно, что послужило причиной столь резкой перемены, просто как-то враз поменялись приоритеты. Всё, что казалось важным, в одночасье утратило ценность, а всё, что раньше я держал в секрете, утаивать теперь нет необходимости. Важнее, что чистота царит теперь не только в чемодане, но и в мыслях. Там, где внутри у меня прежде теснились улочки и тупики, нынче лишь пустота. Я стал полым, как итальянская макаронина. Это большое облегчение.

В ресторанном бизнесе при закрытии квартала бухгалтерские счета должны сойтись. Только потом можно приступать к следующему этапу. В нашей обычной жизни тоже важно время от времени сверять счета. Не так значимо, заработал ты или потратился, главное, чтоб капитал не лежал без дела. Хорошо, что возраст, пригодный для бизнеса, длится не так уж долго. В юности еще нет хватки, в старости товар твой вряд ли кому приглянется. Остаются как раз годы посередке, между двадцатью и сорока. Они и причиняют головную боль. Как бы тщательно ты ни сверял каждую цифру, ошибок не избежать. Здесь нули не сойдутся, там ошибешься на разряд, и всё пойдет прахом. До чего трудна работа счетовода! Но в этот раз как же мне повезло быть вдали от столицы! «За плечами поклажа, ветер попутный, в путь я иду!»¹ И все-таки нельзя обольщаться: прошлые дела хоть и приостановлены (что, правда, неточно), лавка по-прежнему работает, а торговля идет. С современными городскими темпами не пройдет и полутора лет, как в «достопочтенных счетах» вновь настанет раздрай!

4. ПОПУТЧИКИ

В Испании есть одна пословица, звучит она примерно так: «Один — не компания, то ли дело двое. Три — уже группа; с четы-

---

¹ «За плечами поклажа, ветер попутный» (一肩行李，两袖清风) — китайская идиома. Связана с фигурой инспектора Юй Цяня (于谦, 1398—1457), который отказывался преподносить подарки свнуху Ван Чжэню (王振, ?—1449), на тот момент фактически управлявшему государством. В ответ на уговоры сослуживцев сделать свнуху подарок Юй Цянь отвечал, что «преподнесет ему только свежий ветер».

рех начинается беспорядок»¹. В путешествии, особенно в продолжительном, выбор попутчика — первое дело. И мои размышления, и мой опыт сделали из меня убежденного путешественника-одиночку, для кого сам процесс путешествия и есть основная цель. Одно и то же место выглядит совершенно по-разному, если смотреть на него одному или в компании. Конечно, идеал попутчика существует (например, любимая жена, любимая девушка и просто кто бы кого ни любил), но, держа в голове идеал, куда как легко разочароваться в любом другом компаньоне. Так не лучше ли заблаговременно отказаться от напарников и отправиться одному? К тому же в современности путешествия сделались чересчур легки, особенно если речь идет о Европе. Будь ты глух, слеп, нем или глуп — ничто не помеха. Главное, чтобы ты мог разобрать буквы, умел изъясняться жестами, а в кошельке у тебя водились деньги. Так ты уже не потеряешься.

Изначально я уже обзавелся партнером на эту поездку. Он был крайне сметлив, ему доводилось даже воевать в Сибири. По его словам, он ладил и с белыми и с красными, мог изъясняться по-русски и, кроме того, был силен физически. С таким другом мне точно было бы не о чем беспокоиться. Но если что мне и было известно, так это то, что бесплатный сыр бывает только в мышеловке. Угодить такому бывалому вояке было бы не просто, а учитывая нашу разницу в габаритах, он бы уж точно не позабыл о субординации и не ровен час, еще начал бы требовать с меня «беспрекословного подчинения» — вот тут веселье бы и закончилось! Так я и решил, что одному в Сибири будет даже спокойней. Как нельзя кстати у моего предполагаемого компаньона оказалось незаконченное дело, которое требовало как минимум недельной задержки, и пока он занимался им, я поспешил откланяться и под шумок ускользнул.

Тем не менее в купе у меня всё же образовались целых два попутчика. Первый был из Германии и занимался продажей головных уборов. Лицо, форма головы, телосложение — всё выдавало в нем немца. Однако в нем не было знаменитого немецкого бесстрастия — по блеску глаз вполне можно было понять, когда он спокоен, а когда возбужден или напуган. По носу можно было судить о его пристрастии к выпивке, и в частности — к пиву. Голубые вены, просвечивавшие сквозь его кожу, свивались в узор, каким бывает покрыта надтреснутая фарфоровая табакерка. Нередко он на пустом месте начинал беспокоиться и еще пуще заводил сам себя. Не то что у него в паспорте не доставало какой отметки, скорее, он боялся,

---

¹ Испанская пословица: «Compañía de uno, compañía de ninguno; compañía de dos, compañía de Dios; compañía de tres, compañía es; compañía de quatro, compañía del diablo». Перевод на русский выполнен с китайского языка: «一人不是伴，两人正是伴，三数便成群，满四就是乱».

что русские вздумают обобществить его новехонькие рубашки. А еще он вечно читал своего Шопенгауэра; что бы мы с ним не обсуждали, в конце он всегда умудрялся добавить: «Так и есть, точно как у Шопенгауэра!»

Другой попутчик, итальянец, был еще более удивительным. Как ни странно, на Восток его тоже привела торговля головными уборами. Если к немцу, пропахшему сосисками, пивом и Шопенгауэром, я лишь поневоле испытывал некоторое уважение, то второго компаньона я прямо-таки полюбил. Когда я впервые увидел этого потомка римлян, он показался мне университетским профессором, затем горняком, и лишь потом я узнал, что он, оказывается, тоже промышляет продажей шляп. Мы много и увлеченно болтали с ним: у него было всё в порядке с юмором, к тому же он был не только начитан, но и в жизни повидал немало. Действительно, нечасто удается заручиться таким попутчиком. Всю дорогу мне ни минуты не было скучно — спасибо ему. Даже по прибытии я продолжил общаться с ним по переписке. Вам же приходилось видеть рекламу глазных капель, что бывает развешана в университетах? Вот актер в ней как раз смахивает на моего итальянского знакомого, только этот куда более обаятельный. Его черная, густая и окладистая борода напоминала отрез бархатной ткани, взгляд говорил об остроте ума, а красные, как свежая клубника, щеки подчеркивали белизну кожи и черноту волос. Из прозы больше всего он любил Дон Кихота; в поэзии — питал пристрастие к Ариосто¹. О Данте же нечего было и говорить — им он зачитывался с детства.

5. ДВА НЕЗНАКОМЦА

Билеты я покупал в Маньчжурии. Цена за поездку до Москвы в обычном вагоне была сто двадцать девять рублей, купе же международного класса предоставлялось только до Читы — я решил доплатить там. В Чите меня уже должен был встретить Гэн Цзи-чжи². На мой вопрос про купе билетер ответил, что нужно накинуть еще сто рублей сверху, притом что многие люди просто делили весь путь надвое: из Маньчжурии до Читы, а затем из Читы до Москвы. У них получалось всего сто семьдесят с чем-то рублей. Мне было

---

¹ Лудовико Ариосто (1474—1533) — итальянский поэт и драматург эпохи Возрождения.

² Гэн Цзи-чжи (耿济之, 1899—1947) — китайский литератор и переводчик; переводил на китайский язык сочинения Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого и других русских авторов. Занимался распространением знаний о революционном опыте России в Китае.

совершенно неясно, зачем доплачивать еще тридцать. Не сумев это выяснить, я выбрал обычный вагон, с секциями по четыре человека. Однако, едва войдя внутрь, я почти сразу передумал. На местах уже обосновалась польская семья: лысый отец, нарумяненная мать, сын примерно тринадцати лет и грудной младенец. Я подумал, что это совсем никуда не годится: глядишь, еще начнутся вопли, слезы, ор, и что мне, совсем в сущности постороннему человеку, тогда делать? Нет, к такому я был не готов и тотчас же поспешил доплатить необходимую сумму — сколько бы там ни требовалось. И вот я уже в опрятном и комфортабельном купе международного класса. Удача была на моей стороне: как раз оставалось одна секция, в которой, по счастью, все три места пустовали — так я и расположился. Пока я примирял себя с мыслью о потраченных сбережениях, выяснилось, что с меня требуется всего лишь сорок три рубля. Это было на десять с чем-то меньше, чем платили другие. Вся эта ситуация с деньгами до сих пор остается для меня загадкой.

Проводником в вагоне был добродушный и забавный пожилой господин. Помогая мне заправить кровать, он, смеясь, произнес: «Вот ведь повезло тебе одному за троих ехать. Но ты подожди, на следующей станции я посажу к тебе двух старушек, чтоб было не так одиноко. Как тебе такое предложение?» Я ответил, что тронут его заботой, но эти две госпожи по возрасту, вероятно, больше подошли бы ему. Самого бы меня вполне устроила пара ровесниц.

Так у меня выдалось целых три дня свободы. На четвертые же сутки я услышал, что ко мне собираются подселить двух пассажиров. Сначала я забеспокоился и даже пошел уточнять это у проводника. Он сказал: «Да как же неправда? Скорей придумывай, как будешь встречать этих тетушек!» (В русских поездах нет деления на женские и мужские секции.) Через некоторое время, уже в сумерках, поезд сбавил ход и остановился. Я вернулся в купе и действительно обнаружил там чужие вещи: чемодан, два комплекта белья и корзину со снедью. Немка из соседнего купе обратилась ко мне: «Ты и так несколько дней отдыхал, пришел черед расплачиваться. Эти двое на вид очень странные: не европейцы и не азиаты. Поосторожнее с ними». Тут они и показались: один высокий, другой низкий; один полный, другой худой; один смуглый, другой еще темнее. Чтобы описать их, необходим талант Ши Най-аня: полный сошел бы за «Черного вихря», худой же соединил в себе черты Ван Ина и Ян Чжи — «Коротколапый тигр» и «Черномордый зверь» в одном обличии!¹ У обоих были черные взлохмаченные волосы, одеты они

---

¹ Ши Най-ань (施耐庵, 1296—1370) — китайский писатель, автор романа «Шуй ху чжуань» (水浒传 «Речные заводи»). Ли Ку й 李逵, по прозвищу «Черный

были в зеленые холщовые одежды, а к одежде были приколоты красные значки с изображением Ленина. В жизни мне не доводилось видеть настоящих убийц, но если бы мне сказали, что эти двое недавно сбежали из тюрьмы, меня не нужно было бы убеждать! Мы начали беседовать. Черный вихрь, казалось, был расположен к общению, Черномордый же зверь многозначительно молчал. Но из всех фраз лишь пара была на английском — дальше начинался русский, а за ним и вовсе какой-то тарабарский язык. Они прибыли из Туркмении. «Так ты — Китай!» — восхищался он. «Сунь И-сянь... умер? ¹ Ты... Гомиьндан? ² — Ха-ха-ха-ха! — Коммунисты? — А-ха-ха! — Какой партии? — Ха-ха-ха! — До Москвы?»

Когда они вышли закупиться съестным, в купе скользнул проводник, чтобы постелить им постельное белье. Застав меня в недоумении, он поинтересовался, как мне новые попутчики. Я ответил, что, если можно, я уж лучше согласился бы на старушек. «Посмотрите на него... вам, молодым, не угодишь... пожилых ему не надо, молодых тоже...» А что это там — уж не пара ли заряженных браунингов лежит под подушкой? Он взял и переложил их на верхнюю койку, а затем прибавил: «С молодыми тоже держи ухо востро — неудивительно, что они тебе не понравились». Обычно я всё стараюсь перевести в шутку, но та ночь по соседству с незнакомцами прошла для меня нелегко. Перед сном я незаметно переложил кошелек в наволочку, но и так мне потребовалось несколько часов, чтобы заснуть. Добавьте ко всему этому громоподобный храп «Черного вихря» и решите для себя сами, тяжело мне было или нет. Проснувшись, я был не до конца уверен, жив ли вообще. Ощупал голову — всё еще на месте. Счастье мне, счастье!

вихрь» (黑旋风), Ян Чжи 杨志 («Черномордый зверь» 青面兽) и Ван Ин 王英 («Коротколапый тигр» 矮脚虎) — персонажи этого романа. Ли Куй и Ян Чжи изображены суровыми, воинственными, вспыльчивыми и имеющими устрашающий вид. Ван Ин — низкого роста, неуклюжий и грубый.

¹ Сунь И-сянь (孙逸仙, 1866—1952, в кантонском произношении — Сунь Ят-сен; Сунь Чжун-шань 孙中山) — китайский революционер и государственный деятель, первый президент Китайской Республики, идеолог и организатор партии Гомиьндан. В «Заметках» Сюй Чжи-мо использует разные варианты его имени.

² Гомиьндан (国民党) — партия, образованная в 1912 г. для объединения усилий ряда политических течений в свете предстоящих национальных выборов; главой Гомиьндана был избран Сунь Ят-сен. В 1913 г. партия была объявлена вне закона. В 1919 г. Сунь Ят-сен возродил партию — под названием «Китайский Гомиьндан» (中国国民党).

6—7. СИБИРЬ

Приезжая в незнакомое место, человек всегда привозит с собой свои представления о нем. Иногда — страхи. Как бы нас ни тяготили думы о смерти, но даже когда мы готовимся к отбытию в ее владения, нам свойственна всё та же черта. Сибирь! — это слово и раньше ассоциировалось у людей с неким зловещим запустением. Сейчас же к этому образу добавляются всё новые пугающие оттенки, а уж если присовокупить сюда все слухи и пересуды, преувеличения и клевету, столь любимые заграничными газетами, то нет ничего удивительного в том, что обычным людям этот, по сути обыкновенный, «равнинный» путь рисуется чем-то невероятно опасным. Смею вас заверить: все эти предубеждения безосновательны. Путешествие по транссибирской магистрали (и я говорю об этом по личному опыту) ничуть не страшнее и не проблемней привычных мне по Китаю маршрутов. Пятничный поезд Чита-Москва (и каждую среду — из Москвы в Читу) хоть и идет семь, а то и все восемь суток, но всегда приходит по расписанию, что для Китая редкость. Путь из Пекина до Маньчжурии, а после из Маньчжурии до Читы можно без проблем преодолеть поездом второго класса. Однако во всем, что касается недельной поездки от Читы до Москвы, настоятельно рекомендую вам не экономить на билетах (на деле, это не потребует от вас значительных денежных средств). Международные поезда действительно комфортабельны: говорят, в довоенное время в них даже можно было принять душ. Куда уж там нашим обычным поездом! Длительная поездка может кого угодно довести до изнеможения — так, например, вашего покорного слугу легко укачивает. Поэтому везде, где дополнительные траты могут помочь вам сбросить силы и нервы, ни к чему тяготиться — смело расставайтесь с деньгами! К тому же, если вы садитесь на международный поезд, вашими попутчиками почти наверняка будут представительные европейцы (по преимуществу французы, немцы и англичане) или американцы.

Конечно, если вы хотите посмотреть на жизнь простых русских людей, никто не запрещает вам взять билет на поезд обычного класса. Там нет разделения на женские и мужские вагоны, всегда царит веселье, и нередко увидишь детей. Купе обыкновенно рассчитано на четырех пассажиров и помимо багажных мест в них вас ожидает немало сюрпризов. Чтобы не быть голословным: фаянсовые умывальники, маленькие деревянные табуретки, индивидуальные аптечки, кастрюли и кофейники, бутылки с молоком, алкоголь, халаты, соски и игрушки, натянутые бельевые веревки, бессчетное множество газет, арахисовая и семечковая шелуха, мокрота, кожурки от

фруктов, яичная скорлупа и хлебные крошки. Не поддаются беглому описанию и запахи в вагоне. Хотя вы, должно быть, сможете их дофантазировать. Не буду кривить душой, несколько раз я был на грани того, чтобы сойти с поезда. Однако русским всё было нипочем: в неизменно густом дыме (стоит ли говорить, что все пассажиры курят?) кто мог петь — пели, кто мог шутить — шутили, остальные либо пытались читать, либо мирно дремали. В это время за подмерзшим стеклом в стьялом тумане пронеслась огромная ледяная пустыня — белоснежная беззвучная пустота. Порой среди нескончаемого леса можно было разглядеть деревянные домишки с исчезающими над ними следами дыма — достаточное свидетельство, что в мире нет безнадежно заброшенных мест.

Каждый поезд был оснащен вагоном-рестораном, но кормили там скверно, да еще и платить приходилось втридорога; особо экономные и вовсе предпочитали дожидаться остановки, чтобы закупиться на вокзале чем-нибудь съестным. Вдоль этого маршрута на каждой станции были киоски (или же просто бабушки с корзинками), торговавшие всякой всячиной: копченой рыбой, хлебом, молоком, сырыми яйцами, яблоками — всё это было обыкновенно в наличии. Не стоит забывать, что в пути я был о третьем месяце, и всё вокруг еще было похоронено под снегом; наверное, в более теплое время года продуктов было бы несравненно больше.

Как-то раз, когда я шел по вагону, меня предостерег чей-то голос:

«В Советах много запретных тем — будь осторожен! Вот в прошлый раз, компания американцев за обедом позвала официанта: "Бой!" (надо было "товарищ"), — так их буквально выпнули с поезда, и только в путь. Уж не знаю — где и как они теперь. Так что будь осмотрительней».

Мне трудно судить, насколько правдива была эта история, но не то чтобы у меня осталось желание пойти и проверить. Тем не менее такая расправа всего лишь за одно неподобающее слово — это звучит не слишком правдоподобно. В действительности же на людях и правда старались не поднимать политических тем, особенно в период, когда революция еще не была завершена. О советской же власти я расскажу чуть позже. В вагоне-ресторане как раз было несколько таких «товарищей» — все они были довольно молоды. Один из них и правда был не особо тактичен: официанта он подзывал, словно отдавал приказ подчиненному, да еще и шурился при этом как-то недобро, перебирая в нетерпении пальцами, в то время как с языка его скатывались металлические господские нотки. Его приказы громом прокатывались по всему помещению. Он был среднего телосложения, статный, с широкой грудью, в обычной голубой

униформе с белыми лоскутами на рукавах. Походка порывистая, но крепкая. Однако самой примечательной деталью его внешности была голова: овальный поднос лица, на который с двух сторон были набрызганы короткие вьющиеся волосы. В глазах же гнездилась исключительная уверенность в своем превосходстве. Высокий лоб также подчеркивал эту «авторитетность». Всякий раз, как на его лице проскальзывала заинтересованность в твоей персоне, весь твой дух словно съеживался. И в этой заинтересованности сквозила уж никак не забота — так он испытывал твою храбрость (кажется мне, что чуть более трусоватые люди, увидев его, могли и разрыдаться!). Почему-то в его руке всё от вилки до стакана превращалось в ледяной меч, рассекающий воздух. Не спрашивайте — я не знаю, как тут не похолодеть от страха. Да и сам он вряд ли стал бы более снисходителен к вам при любом раскладе. На его выпуклом лице мне не доводилось видеть улыбки; я даже пробовал украдкой строить ему рожи и делать всяческие забавные жесты руками, чтобы вызвать к жизни хотя бы малейшие признаки до-бродушия, но всё без толку. Лицо его прочно покрылось сибирским настом. Что особенно интересно — этот ледяной дух был нужен ему не только чтобы припугнуть незнакомцев. В общении со своими товарищами (мне удалось подглядеть) он был не менее суров. Но и это еще не всё. Окончательно приводил в смятение людей не столько он и не столько его внешний вид, сколько эта вечно ему сопутствующая самокрутка, ловко закушенная в уголке рта. Она не покидала своей излюбленной позиции между зубами ни во время приема пищи, ни во время разговоров. Создавалось ощущение, что выпусти он ее — и вся злоба, ненависть, ярость и, кто знает что еще, в единый миг вырвутся наружу! Постепенно я привык к его виду. Привык настолько, что даже дал ему кличку: «Наполеон вагона-ресторана». Мой попутчик из Италии был в восторге: по его мнению, тому идеально подходило это прозвище — с такой-то выправкой и решительностью! Касалось это и жиденьких кудрявеньких волос, упомянутых выше. Иногда он угрюмо стоял в стороне и, хмуря брови, зачем-то прикладывал руку к груди — ну кто бы не увидел тут сходства со знаменитым полководцем!

Мой личный опыт показал: в Сибири просто мало людей, но ничуть не пустынно. Местный пейзаж — сам по себе достопримечательность. Он ничуть не монотонен: я до сих пор не могу забыть берег Байкала и убегающие вдаль леса Урала. В морозный день стеклянно-чистый воздух становится ослепительной призмой. Помножьте это на простор необозримых снежных полей и присущее им свойство распространять свет — поверьте, вашим глазам будет буквально некуда деться от белизны! Нам, привыкшим к душным

городам, такое пиршество кислорода в новинку. Если вам однажды выпадет случай проехать по Сибири или по иным подобным местам — не отсиживайтесь в поезде во время остановок. Неважно сколько градусов ниже нуля будет снаружи: выйти, позволить ледяному сибирскому воздуху острой бритвой поскрести застоялые легкие — вот подлинное счастье! Лицо на морозе получит лучшее из возможных крещений; истощенный дух — новый вызов; затекшие мускулы — стимул; воля — закалку; жизнь — долготу.

Проезжая Сибирской дорогой, помни: лучше пожертвовать ужином, но не пропустить заката. На закате снег рассыпается самыми трогательными и нежными цветами, особенно в моменты, когда сумеречное солнце начинает медленно проваливаться за обод сибирского горизонта. Самый привычный оттенок здесь «серебристо-алый», но случается лицемерье и утиную желтизну с примесью туманного зеленого ореола. Четыре года назад, когда я впервые побывал в Швейцарии, я обнаружил, как иллюзорно-чарующе, оказывается, блестят снега. И признаться честно — в Сибири они даже лучше. Просто попробуйте представить: вечерний ветер что есть сил переворачивает исполинские страницы равнинных снегов, мелодично звенят хрустальные деревья, и на всех висят длинные разноцветные ленты. То ли сон, то ли явь... Так прими же спокойно и то и другое.

Но сейчас не время пересказывать все мои впечатления от увиденного — слишком уж это утомительно. Вы и сами знаете, какую боль, какие страдания могут причинить внезапно вызванные к жизни воспоминания — их слепящая глаз свежесть, обжигающий облик. То же, что запомнилось смутно, впоследствии, напротив, расцветает обманчивыми красками воображения. Однако и это не то, что ищет в моем очерке большинство из вас, ведь верно? Сдается мне, у меня на вооружении остается единственный способ.

Всё написанное выше — пускай пребывает теперь в неприкосновенности.

Признаться, я бы и рад сэкономить на описаниях, но так уж у меня получается: только начну, и всё идет наперекосяк. Ни в чем нет порядка, одни обрывки. Вот и эти заметки мало того, что сделаны наскоро в поезде, так ведь еще и на английском, от руки, — так, что половины букв мне и самому теперь не разобрать.

Что ж, попробую обобщить свои соображения в виде списка. Будет нелегко, но попробовать стоит.

1) Сибирь ничуть не дурна: небо там голубое, а солнце ясное. Белизна — сколько видят глаза, из нее торчат невысокие (практически столь же белые) деревца и пучки редкой травы. Иногда можно заметить пару разобщенных домишек.

2) Буквально только что мы проехали одну из станций. Вышел из вагона, прогулялся. Довольно тепло. Одна махонькая девочка — лет десяти, не больше — продала нам бутылку свежего молока. Круглое личико, умные голубые глаза, белая гладкая чистая кожа (вид у нее был вполне опрятный) и пронизывающе-ясные черты лица. Обувь на ее ногах, правда, была совсем не по размеру — создавалось чувство, что стоит она, напялив себе на ноги огромных желтых рыбин, а кофта у нее и того причудливей. Друг мой дал ей монетку в пятьдесят копеек серебром. Глазенки ее забегали, она взяла и принялась пристально изучать и рассматривать. Чуть погодя, она спросила: «Настоящая?» (Видно, боялась, что мы подсовываем ей фальшивку.) «Бери-бери, как есть настоящая!» — сказал кто-то сбоку — на железнодорожных станциях в России почему-то всегда много зевак. Девочка робко улыбнулась, быстро сунула денежку в карман, дала еще кому-то бутылку молока, вновь мельком глянула на нас, обернулась и шустро засеменила прочь.

3) Чем больше времени я провожу в России, тем понятнее мне становятся тяготы местной жизни. Сегодня на вокзале в Чите наблюдал следующую картину: мальчонки — совсем еще малыши, в обносках (оборванные, обтрепанные все) — с трехлетнего возраста только и заняты тем, что попрошайничают. Навскидку я бы не дал им сейчас больше шести лет от роду. При этом они попрошайничают совсем не так, как вы могли бы подумать, не слезно просят прохожих смилостивиться. Малыш так протягивает свою ручонку, что будь уверен — без пригоршни твоих монет он ее не опустит ни в коем разе. Видеть таких можно не только на перроне, но и в станционном ресторане. Кроме совсем еще маленьких детей, подростков и взрослых тоже хоть отбавляй. Вот они, все как один: облокотились на перила возле едоков и в рот смотрят, каждую ложку супа провожают взглядом, ни на секунду глаз не отводят — так и впились бы в ломоть хлеба! Язык не поворачивается назвать их озлобленными. Какое-то извечное несчастье, кажется, незримо сопровождает их, гложет изнутри — какая-то туманная тайна, мне недоступная и неведомая. Глядя на их лица, я невольно задаюсь вопросом: бывают ли на лицах местных жителей настоящие счастливые улыбки? Нет, усмехаться они определенно могут, особенно если прилажаться как следует к водке, но этот их смех уже ненастоящий. Эта вовсе не та радость, которую завещал нам Господь. Народ Сибири... не стану обзывать его ограниченным или кому-то подчиненным — скорее всего, таков его первобытный путь. Его жребий — всю жизнь носить эти изодранные черные шерстяные кофты, войлочные башмаки, перетаскивать тело в работе; что как ни голод принуждает его к такому существованию? Эх, да что тут, право, говорить...

4) Приехали в Иркутск. Состав ненадолго встал, и все сошли с поезда погулять. Рано начало темнеть. Весь свет на станции умещался теперь в несколько масляных фонарей. Сперва мы хотели отойти от станции и прогуляться вовне, но по итогу — лишь еле как смогли нащупать путь в зал ожидания. В этой сумеречной атмосфере не было ни малейшего шанса опознать человека — люди вокруг смешались в сплошную черную массу. Эта картина до сих пор стоит у меня перед глазами, а уж запах я и вовсе никогда не забуду. Не берусь расписывать его подробно, но что-то мне подсказывает: имей возможность Данте пережить то же, что и мы в тот вечер, — его Ад был бы выполнен в несколько иных тонах!

Напротив как раз оказалась лавчонка соотечественника, торговавшего тут сигаретами (сам он родом из Шаньдуна). По его словам, за те двадцать лет, что он здесь провел, ему так и не удалось скопить денег даже на билет домой...

5) Я всё еще не могу понять русских. Разложенные на витринах лавочек вещи были легко узнаваемы, но вот что касается владельцев... непременная войлочная шляпа на голове и едва пробивающаяся рыжеватая борода — вот уж действительно непостижимая душа! Тягловую лошадь или эти диковинные «сани» я еще могу уразуметь, но вот эту плотно увязанную суму или, скажем, кобуру под кнут — тут уж увольте, мое понимание заканчивается.

Ну и как прикажете мне описывать сибирский пейзаж? Кристальная, хрустально-надреснутая сфера; протяжно синий небосвод — нам, привыкшим влачить свои дни в сером песке будничной рутины, всё это было в новинку. Местный лес — сплошной, плотный, густой, строгий и величественный. Он сам напоминает мне некую таинственную и темную религию. Деревья здесь все как одно нацелены вверх, строго в сердцевину небосвода. И неважно, будут ли это сахарные сосны, серебряные тополя или приземистые заросли кустарника. Тополей всё же большинство: они чинно выстроились в шеренгу под знаменами мороза; их нашивки и эмблемы лучезарно сияют в студеном воздухе. Так и стоят они — непременно рядами, словно в ожидании какого-то чрезвычайно важного приказа. Сосен было тоже порядком, и они также толпились довольно плотно. Невысокие и не то чтобы очень раздавленные молодые стволы их стояли вровень друг с другом и выглядели так аккуратно, словно за ними и зимой ухаживали садовники. Да, пожалуй, именно эти неуклонно вздымающиеся над широким заснеженным полотном леса есть символ Сибири. И шире — России.

Мимо проносился всё тот же чарующий пейзаж. Растянутый вечер — солнце посылает нам последние косые лучи с запада, властная синь постепенно темнеет, и высокомерные облака на ней

уже почти не видны. Прямая взгляда во все стороны утыкается в стену: пронзительные сосны и ослепительные тополя, заручившись помощью снега, совместно создают картину просто-таки неземного умиротворения. Их безукоризненная выправка напоминает мне размноженные пагоды, смиренно обращенные к небу в молчаливой молитве. И по-прежнему в этом бескрайнем просторе снегов виднеются домики. Их редкие крыши то там, то здесь время от времени выглядывают из-под толщи снега. Всё это делает их даже более похожими на китайские, хотя здесь встречаются и желтые и красные кирпичи.

Следов людей почти нет.

Округа мерно покоится в тиши и забытии, почти забвении. Всему, что движется, здесь нет места. Иногда, правда, можно заметить несколько голов скотины, бредущей куда-то по белой скатерти, но и они не сгодятся за приметку жизни...

Март 1925

8. МОСКВА

Ах, Москва! Сколько всего пережил этот город! Рим — ветхий сон для любящих грезы; Нью-Йорк — дворец бога богатства¹ для любящих деньги; Париж — яма разврата для любителей похоти; Лондон — затянутый смогом базар для искушенных в искусстве. А что же Москва? Вместо шрамов древней славы она покрыта свежими кровотокающими отметинами; вместо пышных дворцов — лишь храмы с обилием куполов; вместо солнечного тепла — улицы, утопающие в грязи; вместо гуманности — наводящие ужас величие и жестокосердие, сквозь которые сквозит пустота. Высьтесь же, затененные лесами Воробьевы горы; лейся же, чуть подмерзшая Москва-река! Этому городу предстоит стать нашим компасом в начавшемся столетии: Москва — эмблема будущей цивилизации. Арки Древнего Рима блекнут на рассыпающихся страницах и среди стертых камней; арки грядущей Москвы — на костях прежней цивилизации, возведены из плоти и крови обновленного народа. Москва, поскорей созови своих мастеров разрушения, вложи им в одну руку факел, а в другую — смертоносный меч, поскорей доверши начатое, чтобы через тысячу лет свободные от рабства потомки неиссякаемым потоком устремились к тебе, подобно тому, как сейчас они едут в Рим. В будущем они поспешат к Воробьевым горам поклониться твоей архитектуре, восхититься твоим трудом и воспеть твое неуязвимое величие!

---

¹ Здесь в оригинальном тексте автор использует английское слово «Mammon».

Таковы были думы, захлестнувшие меня в первый день прибытия, когда я прогуливался возле Кремля. Поезд въехал в город к шести утра, в прошлые же сутки мы проезжали леса — кажется, в районе Владимира. Большая часть деревьев была уничтожена в годы войны — от старых сосен сохранились лишь обожженные изуродованные жерди, воткнутые в снег. А еще глубже, под снежным покровом, было похоронено великое множество людей, некогда обогривших своей кровью сугробы. Рвы тоже можно было различить, правда, не очень отчетливо. Снегопад, засыпавший пейзаж год за годом, сглаживал высоты и овраги, укрывая от взора следы человеческих зверств. Не будь его — и как знать, быть может, у особенно чувствительных писателей было бы больше поводов взяться за перо. Но и такие следы войны привлекали внимание всех проезжавших мимо и служили своеобразным «предисловием» для тех, кто только подъезжает к Москве. Преодолевая Сибирь, по мере того как состав прокладывает путь в необозримом ослепительно белом пространстве, изредка удается подметить фрагменты жизни русских людей, те тяготы и ту стойкость, которыми отмечена их жизнь. Обращаешь внимание и на особенности ландшафта: горы, окружающие Байкал, могучий лес, опоясавший Уральский хребет. Можешь вдохнуть здешний воздух, необычайно свежий, морозный и колющий, пронизывающий всего тебя металлической проволокой и пробуждающий к жизни. Мысль в тот же момент проясняется, а душа набирается сил и рвется на свободу. Таково свойство этого места: вся лень, неразборчивость, косность, депрессия и всё, что хоть как-то обременяло, сковывало и мешало, в единый миг отброшено прочь. Взор становится зорок, чувства цепки. Раскрой же пошире глаза, дай им сбросить морок честолюбия и дрему жадности, позволь напитаться живящим простором, позволь духу окрепнуть! И пусть этот воздух не станет питать твой дух вечно, но, по крайней мере, ему по силам встряхнуть-впрыснуть в тебя заряд бодрости!

Сердце — пробудись! — теперь ты в России. Теперь ты в Москве, столице страны, раскинувшейся от Берингова пролива до Балтики, страны, вдающейся в Ледовитый океан. Москва — город, вобравший в себя снега, пламя и кровь.

В этом пламени первой исчезла прежняя Россия. Россия старого режима, самоуправства, излишеств, аристократии, декаданса; Россия дам в длиннополых платьях, повозок в позолоте, чиновников с табакерками, дворян с их охотой. Россия романов Толстого и Достоевского — исчезла. Ее следы теперь можно обнаружить в Париже, Польше, Нью-Йорке, Риме — то тут, то там вам может попасться собственность почтенного графа с фамилией, оканчивающейся на «вский». Все они беженцы, и с неохотой говорят о родине. За бе-

седой они скажут вам, что Россия больше не их страна, ее захватили демоны (ангелы же были вынуждены спасаться бегством от вспыхнувшего пожара). Русская культура также постепенно становится достоянием прошлого — ее, равно как и славянский дух, из последних сил поддерживают уехавшие за рубеж поэты, живописцы и иные деятели искусства. Если же вам таки удастся разговорить их, они наверняка будут жаловаться на свои невзгоды, будут без умолку твердить о том, сколько они пережили. Затем они поведают о том, какой у них был мрамор в имении, как юны и прелестны были их племянницы... и дни, которых они так ждут, вот-вот настанут, шайка захватчиков будет скинута, ведь есть же справедливость в мире, ведь есть же...

Так что, приезжая в Москву, не следует искать здесь памятников старой культуры. Впрочем, нет здесь пока и новой культуры, и это, как ни странно, преимущество. О том, что же здесь можно увидеть, я попытаюсь рассказать.

Сначала поднимите взгляд вверх. Вы не увидите небесной лазури, лишь неясные спутанные еле плывущие в холоде облака. Это небо (то, что видел я) взаправду безрадостно, даже, я бы сказал, траурно. Солнце если показывается, то лишь изредка и также вяло, безжизненно. Чуть засветило — и снова назад. Так больной обычно отодвигает рукой оконные занавески в палате.

А теперь опустите взгляд вниз. Черт бы побрал московские улицы в марте. Я способен мириться с ровным застывшим зимним покровом и способен понять обильное его таянье по весне, но когда эти две прихоти погоды чередуются — увольте. Природа как будто не может определиться, чего же ей хочется: чтобы всё замерзло, или чтобы всё растаяло. Поэтому она чередует то и другое ежедневно. Выглянет солнце — из-под ледяной корки выступит блеклая жидкость, но стоит светилу скрыться — вновь подмерзнет. И всю дорогу идет какой-то мокрый снег, да так обильно, что нет решительно никакой возможности очистить тротуары. В общем, никто и не чистит. Пусть будет жижа. В конечном счете однажды растает. Так что уж если надумаете ехать в Россию в это время года — не вздумайте выезжать без сапог.

Еще можно взглянуть на уличные лавки. Заведениям следует обслуживать клиентов — если у Жуйфусян¹ не будет посетителей, им придется закрыться. Здесь, в Москве, не встретить магазинов, торгующих предметами роскоши — почти сплошь раскиданы забегаловки (вероятно, такова политика властей). Но что действительно

---

¹ Жуйфусян (瑞蚨祥) — знаменитая старинная сеть элитных магазинов одежды в Китае.

может нагнать страху, так это местные цены: шелковых женских чулок, говорят, так запросто не достать, но уж если удастся, то не меньше чем за пятнадцать-двадцать юаней. Обувь, если получше, то около сорока юаней, крупные мандарины по семь с половиной мао, мелкие — по пять за штуку. Наш завтрак в гостинице на четверых — двадцать юаней. Остальные расценки можете вывести по аналогии.

Теперь стоит всмотреться в прохожих, изучить их одежду и лица. После отъезда аристократии и буржуа, культура внешнего вида здесь тоже испарилась. На мужчине почти не увидишь белой рубашки, не говоря уж о новом галстуке (вообще, большинство обходится без них). Да и просто найти опрятно одетого человека не так просто. Я случайно наткнулся на местного профессора, его рубашка, как кажется, одновременно была и его ночной сорочкой; его пальто имело отдаленное сходство с черной собачьей шкурой — не исключено, что оно же служило ему одеялом. Волосы на голове у него были похожи на заросли, и вряд ли в последнее время их касалась расческа. По щекам же и на подбородке растительность и вообще чувствовала себя свободно — о безопасной бритве речи здесь и не шло. И, скорее всего, этот человек не был исключением из правил. У меня сложилось впечатление, что все молодые люди¹ здесь выглядят примерно так; если бы вы представляли их привычный образ жизни, то и вам бы не показалось это странным. Герберт Уэллс, бывший в Москве лет пять назад, тоже встречался с профессурой. Внешностью ученые, по его словам, напоминали не то заключенных, не то бесов. Мне кажется, что если он и преувеличил, то несильно. Крестьян в округе я не встретил, но навряд ли они сильно отличались от людей, мельком виденных мной в Сибири — с могучей бородой и в огромных сапожищах. Рабочих — полные проспекты; их облик во всем вполне заурядный, за исключением приколотых значков с Лениным. Застал я и марширующую детвору. Со стороны кажется, будто попрошайек, всех как один в черном, вывели топтать слякоть, держать красные флаги и бить в барабаны. Мелких торговцев за лотками и с корзинами тоже немало. Среди них много увечных мужчин и пожилых женщин. Продают фрукты, сигареты, хлеб, шоколад (несъедобный) и прочее (в киосках можно купить и книги с газетами, и что-нибудь перекусить).

Девушки попадаютсся двух видов. Одни — жены или сестры тех, кто побогаче. С одеждой они выкручиваются как могут — чулок, как я говорил, не достать. Другие — коммунистки. Их можно отличить по манере держаться и по красному платку, повязанному

---

¹ В оригинале употреблено слово *циньду эрмэнь* 琴笃儿们, под которым, возможно, имеется в виду английское «children» (или «gentlemen»).

на голову. Встречаются и красные головные уборы, но не на парижский манер. На утопающих в грязном снегу улицах они единственная отрада!

Все познается в сравнении: в тот год, когда мы с Чэнь Бо-шэном¹ из Англии ездили во Франкфурт, один день действительно, казалось, тянулся целую неделю. Прохожие на улице, кого ни возьми, все точно только что вышли от портного. Я в своем дорожном костюме на их фоне выглядел просто заграничным попрошайкой! На этот же раз в Москве я вновь чувствую себя неудобно, но по абсолютно противоположной причине. Вы только представьте себе описанные мною улицы и вид людей на них: среди толпы, обернутой в поношенные тряпки, где несчастное выражение лица считается чем-то естественным, а лохмотья — чем-то неотъемлемым, внезапно возникает иностранец, щеголяющий бобровым воротником и шапкой из выдры (это я, конечно, хватил через край). Но не то чтобы это я один так выделяюсь — даже китайских студентов в Москве, конечно, кроме учащихся Восточного университета², местные часто кличут «буржуа». И неудивительно, коль скоро мои соотечественники разодеты в темно-синий шевиот, пошитый по последнему фасону! Если так размышлять, то у любого общества есть надежда на перемены, любая привычка может быть отринута, любой стандарт можно переиначить, идею — вывернуть, узел — распутать, а одежду — надеть наизнанку... В будущем же, когда нашим ногам наскучит хождение, мы с радостью прибегнем к помощи рук, встав на четвереньки. Смеяться же, очевидно, будут над теми, кто вновь решит встать прямо — вот это будет номер!

И если мороз в России действительно суров и беспощаден, то люди, выкованные им, производят еще более тяжелое впечатление. Их депрессивность, вымученность, напряженность... редко когда на лице проступает улыбка. В разговоре они тоже как будто берегут силы, избегая открытости. Можно подумать, что у каждого из них на душе лежит тяжелый груз.

Искренняя улыбка едва ли не самое редкое, что есть в мире. Европейцы часто говорят, что китайцы смеются намного чаще их,

---

¹ Чэнь Бо-шэн (陈博生, 1891—1957) — известный китайский журналист и публицист. Принимал участие в освободительном движении 4 мая 1919 г., активно знакомил китайцев с марксизмом.

² Под «Восточным университетом» (东方大学), вероятно, подразумевается Коммунистический университет трудящихся Востока имени И. В. Сталина, действовавший в Москве с 1921 по 1938 г. В Зарубежном секторе университета обучались иностранцы, в т. ч. китайцы. В университете делался упор на возвращение партийных и государственных служащих, а также на подготовку революционных кадров для стран Востока.

но я бы не брался утверждать подобное. То, что они видят, как мне думается, это больше усмешки или глуповатые смешки, смех без задней мысли или же смех, чтобы уйти от ответа. В своей неестественности это можно сравнить со смехом, который вызывает в русских водка — с этим горячечным хохотом, как у Достоевского в «Идиоте». Всё это нездорово, в этом нет подлинной радости. И этому подвержена далеко не одна Москва — где сейчас в мировых столицах у людей осталась хоть капля искренности? Да, говорят, Дублин изрядное место для веселья, Вена тоже полна задора, но сам я бы назвал лишь Париж. Вот уж где Рай общительности — там улыбки на улицах раскрываются сами собой, точно цветы в марте. В остальном же сказать трудно. Нью-Йорк, Чикаго, Берлин, Лондон — нигде нельзя почувствовать себя по-настоящему комфортно, все время будет преследовать какая-то подозрительность. Так недолго и до помешательства, и уж лучше поскорей убраться оттуда подобру-поздорову, чтобы случайно не заразиться этим «недугом».

Сейчас в Москве распространен один крайне любопытный феномен: если вы поедете сюда, вам непременно следует обратить на него внимание. Я говорю о мужчинах, которые прогуливаются с грудными младенцами по улицам. В Западной Европе такого вы точно не встретите — это отличительная черта Советов. Нынешним законом определено, что на одного человека должно приходиться не более одной квартиры. Горничные, няньки, служанки, кормилицы — о них можно забыть. Поэтому молодой семье или же просто сожительствующим влюбленным в вопросах деторождения приходится быть чрезвычайно осмотрительными, ведь теперь до возраста детсада младенец целиком и полностью будет на их попечении. А вы, жители Пекина, жалуетесь даже при наличии нескольких квартир и служанок! Но если однажды московские веяния доберутся к нам, то вы уж непременно распрощаетесь со своими хоромами и будете жить там, где укажет правительство: в Сихуатине или Дунхуатине¹. Тогда вам с вашими госпожами придется самостоятельно организовывать хозяйство: протирать столы, подметать, готовить, стирать... какая бы мелочь ни появилась — всё придется делать самим. Когда после обеда вам вдруг захочется пройтись на свежем воздухе, не оставите же вы дитяtko под замком. И вот вы уже прогуливаетесь с ним на руках — на коляску у вас нет денег, а жену просить неудобно (что-то мне подсказывает, что с такими жесткими ограничениями ссор в доме явно будет меньше!). Но что мужчина может знать о том, как держать на руках ребенка? Не станешь же

¹ Сихуатин (西花厅) и Дунхуатин (东花厅) — хутоны в Дунчэне, Пекин. Хутун — аналог переулка, тип городской застройки, характерный для старого Пекина.

брать его как конверт. Как же его приобнять — вертикально, горизонтально? Но ничего, стоит вам побывать в Москве, и вы, хотите того или нет, но научитесь! К этому времени рождение ребенка перестанет быть таким распространенным делом, и теории Маргарет Сэнгер или Мэри Деннетт будут куда более популярны, чем сейчас¹. Что же касается Москвы, то еще не рожденным «ангелочкам» не о чем волноваться. Возможно, однако, что у здешних родителей просто нет денег на «французскую резину»², или же это просто правительство не дает им приобретать ее. Уж в этом я не разбирался.

Если у вас останутся силы и время, загляните к русским посмотреть, как они живут. У меня вот был один знакомый профессор. Когда я постучал к нему, он как раз лежал на раскладной койке, листая книгу или исправляя лекции. Но, едва увидев, что к нему пришел гость, он тут же вскочил как есть: в изношенной на локтях кофте, с растрепанными волосами и бородой. Его комната изнутри напоминала прямоугольную тыкву; в ней был небольшой деревянный стол, стул, стены были утыканы крючками для одежды. Его собственная кровать была возле окна, а наискосок от нее располагалась еще одна — для его то ли старшего, то ли младшего брата. Также все вертикальное пространство было увешано картами Востока и полосками в пять иероглифов (он был в Китае и понимал язык). По столу были разбросаны несколько книг, клочки бумаги, тушь, шахматная доска и прочая мелочь. Еще в углу стояло подобие котла — вероятно, там была еда. На всю комнату хорошо, если можно было обнаружить два места, чтобы присесть. В целом же передвигаться там даже вдвоем было уже затруднительно — нет-нет да и натолкнешься на что-нибудь.

Такова была жизнь преподавателя. Также по направлению госпожи Ту из посольства я ездил с визитом к старшей дочери Толстого, у нее всё было несколько лучше³. Ей, как ни странно, были отведены целые две комнаты: одна побольше (там она учила живописи); другая, жилая, поменьше. Там у нее помещались не только книги и картины, но и презабавная собачка и милая кошечка. Случай дочери, как мне сказали, был особый, ведь ей приходилось за-

---

¹ Маргарет Сэнгер (1879—1966) — американская активистка, основательница «Американской лиги контроля над рождаемостью». Касательно второй персоналии трудно сделать однозначный вывод. Предположительно, словосочетанию в оригинальном тексте *мали сыту боши* 马利司徒博士 могут соответствовать две кандидатуры, также связанные с упомянутой выше организацией: Мэри Деннетт (1872—1947) и Маргарет Чейз-Смит (1897—1995).

² Судя по всему, речь идет о средствах мужской контрацепции.

³ Речь идет о Татьяне Львовне Сухотиной-Толстой (1864—1950), которая с 1923 по 1925 г. была директором Государственного музея Л. Н. Толстого в Москве.

ведовать музеем Толстого¹. Я пообщался с ней. Конечно, мы говорили о ее отце (ей самой было уже шестьдесят). Ниже я еще вернусь к этому, сейчас же речь о жизни москвичей.

Я приехал в столицу утром субботы, а отбыл под вечер понедельника. Изначально я планировал потратить эти три дня на знакомство с местными достопримечательностями, особенно мне хотелось сходить в театр. Еще сидя в поезде, я все тщательнейшим образом продумал: где буду в первой половине дня, где во второй, куда пойду вечером... Кто же мог знать, что Фортуна будет ко мне столь неблагоприятна! Дело в том, что на днях ушел из жизни очередной партийный деятель — фамилия его начиналась не то на «Мали-», не то на «Маху-»². Этого я никак не мог предугадать. Весь город как по приказу погрузился в траур: из каждого дома выходили проститься с покойным, флаги были приспущены, все представления отменены... Понедельник тоже был объявлен выходным днем. Поэтому за трое суток я не сделал практически ничего из того, что хотел. Потому я и не смог проникнуться сочувствием к его кончине. Вот ведь как бывает: а случись это на несколько дней раньше или позже, вероятно, я бы был полон соболезнований.

Поэтому, если вы недовольны разрозненностью моих заметок, вспомните о господине «Мали-Маху» и снимите с меня хотя бы часть вины. Всё же у меня еще осталась в запасе пара историй, и я с радостью поделюсь ими.

Я действительно глуповат. Прежде чем приехать, я думал, что Москва была целиком отстроена заново. Мне казалось, что, когда Александр решил выжечь Наполеона, в пожаре сгорел весь город — даже от Кремля остались лишь угли. Вы, конечно, знаете эту историю, когда Наполеон решил занять Москву и отведать там мороженого. Русские знали, что сражается он хорошо, а потому уклонялись от битвы, заманивая его в глубь страны. В результате же ему достался пустой город. Подождав, пока он расположится в Кремле, солдаты подожгли столицу с двух концов — с востока и с запада. То-то была потеха! Мало того, что мороженым не угостили, так еще и сожгли дотла всё его парижское печенье. Спалили всё, провиант, фураж... Сам Господь был против захватчика. Северный ветер порывами засыпал всё снегом. Наполеон понимал свое положение и знал, что отступать уже слишком поздно. Когда он отправился к Березине, навстречу ему выдвинулись десятки тысяч казачьих пик и сабель. Они-то и покромсали войско, почти никого не оставив в жи-

---

¹ Государственный музей Л. Н. Толстого был открыт в 1911 г.; был реорганизован после национализации в 1920 г.

² Имеется в виду А. Ф. Мясникян (Мясников; 1886—1925), секретарь Закавказского райкома РКП(б).

вых. Великому Западному Императору и оставалось только взнуздать лошадь и улепетывать домой, колотиться в створы парижских ворот. С берегов Березины и по сей день раздаются стоны погибших — неизвестно, доведется ли французам вернуть должок!

Но я сейчас вспоминаю о делах прошлого не для того, чтобы напомнить вам о Наполеоне. Я лишь хотел продемонстрировать вам чудо русской смекалки, гений их терпеливости. Даже Наполеон — этот величайший правитель и полководец — увидев окутанный дымом Кремль не смог удержаться от возгласа: «Что?! Неужели им не жаль даже обители предков?!» Воистину: славяне одарены редчайшим военным талантом: идущий на них войной должен быть готов проститься со своим войском.

Москва в тот год не просто уцелела — сохранился и Кремль, и четырехсотлетние церкви. Новых строений, конечно, добавилось, но сам город остался старым. Сейчас, думая о нем, я представляю себе образ пожилого солдата в отставке. Войны уже миновали, но память о них цела в шрамах на теле. Рубец на щеке, рубец на шее... Его отрешенный взгляд, его длинная борода — во всем можно найти приметы прожитой жизни. Даже прохудившаяся одежда будто бы стала частью его самого. Так мох, прижившийся на камнях, становится неотделим от них. Вот и в старинной Москве непросто высмотреть знаки нового времени. Может быть, все перемены — это просто появление красных флагов на крышах. Смотри сегодня на алые полотнища, развевающиеся над Кремлем, невольно задаешься вопросом, какой ценой это было достигнуто. Берегись, путешественник! Протри хорошенько от пыли глаза, всмотришься получше вглубь: может быть, ты сможешь разглядеть под покровом городского покая огни и взрывы, спалившие дотла старую культуру.

Но, по правде говоря, если дело действительно дойдет до взрыва, спрятаться удастся разве что на Марсе. И то не факт, что там не бывает своих стихийных бедствий. Сейчас же, пока фитиль еще не прогорел, нам всем бы следовало пользоваться случаем. Нет, я говорю не о бегстве, но о созерцании этого прекрасного места. В тот день утром я стоял на смотровой площадке возле огромного храма, впервые обозревая Москву. Под ногами был лед, идти было нелегко, я дважды поскользнулся. Но будь благословен этот пейзаж у Москвы-реки — мне и в голову не могло прийти, что он вызовет во мне такие чувства! Если бы не было так скользко, я бы уже вовсю прыгал от восторга! У меня всегда были проблемы с определением сторон света; про здешнюю реку я знал только, что она течет с востока на запад. Но тем утром не было солнца, и я не мог определить даже этого. До сих пор жалею, что не последовал примеру Наполеона и не поднялся на Воробьевы горы. С них вид на подернутую морозным дымком Москву наверняка был бы еще лучше. Буду до-

вольствоваться и тем, что довелось испытать — оставлю горы до следующего раза, не исключено, что еще приеду сюда. А вы, мои пекинские друзья, тоже пользуйтесь случаем, ловите момент, съездите до Бэйхая полюбоваться, как крыши Запретного города сливаются с небом. В нашем хрупком, надтреснутом мире, где сегодня не можешь поручиться за то, что будет завтра, «ловить момент» просто необходимо. Пока весь Пекин не повторил судьбу Старого Летнего дворца, поспешите в Посольский квартал сделать несколько цветных фотографий. И если, как всегда хмурясь, откажетесь, а потом пожалеете — то так вам и надо!

Если Пекин полагается на императора, то Москва полагается на Бога. Видели ли вы православную архитектуру? У нас ее можно найти разве что в Харбине. Особенность этих зданий в том, что посередине у них купол — в виде навершия от тыквы-горлянки. Бывает, что он разноцветный, немало и синих, но чаще всего — золотой. По четырем сторонам постройки тоже располагаются тыковки, уже поменьше. Размеры, правда, попадают всякие: есть и малютки, есть и почти с основную. Есть снаружи покрытые орнаментом, наподобие римских, есть и нарочито белокаменные с огромным золотым куполом. Таков как раз был тот большой храм, исполненный сдержанного величия. Лучше же прочих — старая церковь, что за пределами Кремля, возведенная примерно в XVI в. В ней есть очарование древних грез. Размером она невелика, но если увидите, то однозначно ее не забудете. Она предназначалась для царской семьи и была слишком тесна для служб. Верхушек у нее счетом десять, но расположение их я сейчас не восстанавливаю. У каждого купола свой цвет и форма: есть как наши южные тыквы; есть как молот Янь Чэн-фана из «Сказания о Юэ Фэе»¹; есть как плод хлебного дерева; есть как свернувшийся кольцом дракон, смотрящий в небо; есть как орудие среднего брата Дань из танских новелл (что там было у него — копьё? ²). Если сложить всё вместе, то получится облик, которого я нигде раньше не встречал, даже в снах. Если же вам захочется отведать хлебного дерева или повнимательней рассмотреть наконец копьё — не откладывайте, забирайтесь наверх любоваться!

Москва напоминает улей, где церкви — соты. Всего в городе примерно шесть сотен храмов (некоторые говорят, что восемь). На словах в это даже сложно поверить. Вот в Нью-Йорке на каждой улице есть хотя бы один лоток с мороженым, в Москве — та же ситуация с церквями. Среди них есть как поистине выдающиеся,

¹ Янь Чэн-фан (严成方) — персонаж романа «Юэ фэй цюань чжуань» (岳飞全传 «Сказание о Юэ-фэе»), принадлежащего кисти Цянь Цая (钱彩, XVII в.).

² Речь идет о персонаже из романа «Суй тан янь и» (隋唐演义 «Повествование о Суй и Тан») Чу Жэнь-хо (褚人获, 1635—1682).

устремленные в звенящий воздух золотыми куполами, так и крайне неблагоприятные. У последних на верхушке вместо купола будто приделан гнилой корнеплод, а места между двумя стенами едва хватает, чтобы вдохнуть воздуха. Говорят, что после революции религии в России пришлось нелегко. Как мне по секрету сказал служитель той церкви с куполом в виде плода хлебного дерева, новая власть не просто не строила новых храмов, но и не занималась старыми. Положение было весьма скверное. Такого отношения к вере китайцу не понять. Будто и правда молитва важнее еды; прочитав псалом важнее, чем выпечь хлеб. То ли дело у нас — приедешь в Шаосин ¹: «на пять домов три кабака, на десять шагов девять выгребных ям» ². Храмы тоже есть — на самой окраине или в горах — и то для того, чтобы выбраться разве что по случаю Нового года. Совсем другие нравы, другая жизнь, другое мировоззрение — какая пропасть между Востоком и Западом!

Напоследок вернемся вновь в то утро, когда я впервые увидел Москву. На еще не тронувшийся лед Москвы-реки падал снег, ложась и к моим ногам горошинами яшмы. По застывшей воде то и дело перелетали с места на место вороны в поисках еды. Здесь перья у них серые и тоньше клюв — я сперва подумал, что это горлинки! По левую руку от меня Кремль молчаливо хранил за своими стенами бесподобную архитектуру. По углам, на башнях, можно различить силуэты солдат. Пусть сами башни невысоки, но в них есть достоинство, отрешенная сдержанность. Даже их кирпичи в кладке могли бы рассказать вам о древности. Они могли бы сказать: «Мы не боимся выцвести на солнце, так чего нам бояться людских перемен. Наполеон ушел восвояси, род Романовых оборвался, Керенский бежал, Ленин умер... Река времени приносит новые жертвы, мы же лишь крепнем в летах. Старость нас не пугает. Человечество, сколько крови еще ты готово пустить по течению?» По мою правую руку — тот самый огромный златоверхий храм. Разделенный рекой пейзаж напоминает мне об изобилии лотосового пруда. Тыковки церковей — бутоны. Есть стебли длиннее, есть короче. Ясные, сверкающие, богатые — жаль, что солнце так и не показалось! Если бы светило вышло и озарило каждый купол, сияние бы покрыло все вокруг. Сама Сиванму ³ бы могла позавидовать!

26 мая, во флорентийских горах

¹ Шаосин (绍兴) — городской округ китайской пров. Чжэцзян, родина выдающегося китайского писателя Лу Синя (鲁迅, 1881—1936).

² Оригинал фразы: «五家三酒店, 十步九茅坑». Сложно судить, являлось ли данное выражение устойчивым или же оно авторское.

³ Сиванму (西王母) — Владычица Запада, женское божество в древнекитайской мифологии, обладательница снадобья бессмертия.

9. Л. Н. ТОЛСТОЙ ¹

Пока я еще не отправился в путь, помню, в журнале «Восток» ² была новость — мы ее потом обсуждали с друзьями сутки напролет. Согласно этому известию, после смерти Ленина его жена подала в суд на «прогнившего до костей» Толстого. Якобы его книги распространяли буржуазное мировоззрение, тлетворно действующее на крепнущий Советский Союз. Таков был предсмертный наказ Ленина жене — сообразить способ избавить страну от книг Толстого, иначе Советам грозила бы беда. По решению суда жена выиграла дело. Теперь книги литератора должны были быть уничтожены, а вернее — переработаны в бумагу для сочинений Ленина. Тогда нам с друзьями эта история показалась по меньшей мере странной: вполне могло получиться, что это слухок, пущенный американцами с целью навредить Советам. Но примерно в то же время до нас дошли слухи об аресте Троцкого за статью «Уроки Октября», и они уже не выглядели фальшью. А если так, то и «злключения Толстого» могли оказаться правдой. Сомнений в силе тамошнего правительства было немного.

В конце концов, мы сами полнимся этим «буржуазным духом», а именно заблуждениями относительно поэтов и прозаиков. Мы всё не можем избавиться от мыслей о свободе слова, действий, печати. Если же это всего лишь предрассудки, почему же нам тогда не давала покоя мысль об уничтожении наследия Толстого? Мне запомнилось остроумное высказывание Чэнь Тун-бо на этот счет ³. Он говорил, что нам, современным писателям, нужно быть особенно осторожными и готовиться не только к голоду, но и к тюремному заключению. Среди прочих относительно спокойно себя может чувствовать только Юй Да-фу ⁴ — он в своих текстах учит людей быть негодяями, уж он точно будет вне подозрений на «буржуазность»!

---

¹ В оригинальном тексте Сюй Чжи-мо использует фамилию «Толстой» без инициалов.

² Журнал «Восток» (东方杂志) выпускался с 1904 по 1948 г., в нем освещались мировые новости и публиковались статьи видных китайских политических деятелей и литераторов.

³ Чэнь Тун-бо (陈通伯, 1896—1970) — китайский переводчик и литератор, один из основателей еженедельника «Современное обозрение» (现代评论, 1924), в котором он занимал пост редактора отдела литературы и искусства.

⁴ Юй Да-фу (郁达夫, 1896—1945) — китайский писатель, один из инициаторов создания литературной ассоциации «Творчество» (创造社, 1921), с 1930-х гг. принимал активное участие в деятельности патриотических антияпонских организаций.

Поэтому закономерно, что по приезде в Москву одной из моих первейших задач было разузнать о произошедшем с Толстым. Мне повезло познакомиться с его старшей дочерью, крайне приветливой госпожой шестидесяти лет, владеющей, к счастью, и английским, и немецким. Если вам доведется оказаться в Москве, то вы тоже, вероятно, сможете навестить ее — она общается с женой господина Ли из посольства; и, может быть, вас представят.

Особенно дочь великого классика походила на своего отца овалом лица, об остальных же сходствах я судить не берусь. Разумеется, первым делом я спросил про тот слух, но прямо она мне так и не ответила. По ее словам, сейчас в книжных в принципе непросто достать литературу: Толстой, Тургенев, Достоевский — все сколь бы то ни было существенные писатели оказались под запретом. Тогда я поинтересовался, а остались ли в столице еще стоящие литераторы. Она ответила, что все уехали, а оставшиеся ни во что не вмешиваются. Мой следующий вопрос был про тяготы их собственной жизни в эти годы. Со слезами на глазах она рассказала мне, как они с сестрами проживали дни революции впроголодь, не имея возможности даже разжечь огонь. Хотя она уверяла, что самые трудные времена были самыми спокойными. Когда смерть подходит так близко — перестаешь ее бояться. Тогда, в темной комнате, они садились в круг и друг за другом читали вслух или пели, пели что было сил, и боль уходила. Когда же я спросил, как ей живется сейчас, она ответила, что сейчас уже гораздо лучше — достаточно посмотреть на две ее комнаты и количество учеников. Голод и страх остались в прошлом. На следующей неделе она уезжает во Францию, там ждут ее выступления. По ее словам, получить заграничный паспорт сейчас нелегко, и ей очень повезло. Потом она снова говорила о последних днях отца, как они с матерью ругались, а она по молодости не могла их понять. Затем Толстой уехал. Даже его посмертное ложе теперь находится в другом музее. Подумать только, умереть, не увидев родных лиц!

Снаружи у нее сидел полуодетый мужчина с черной бородой и большими глазами, чем-то смахивавший на Конрада¹. Студенты прилежно упражнялись в живописи. Белоснежная кошка игралась на столе. Когда мы уже собрались уходить, пришла ее дочь. На вид ей было около восемнадцати лет, и сама она была полна жизни. Но в ее облике уже не осталось и тени именитого предка.

Еще, как говорят, сейчас находится при смерти от голода дочь Достоевского. Новость об этом пришла то ли из Германии, то ли из Польши. Если так посмотреть, то дочерям Толстого еще повезло.

---

¹ Имеется в виду английский писатель Джозеф Конрад (1857—1924).

10. ЕВРЕЙСКИЙ «КОШМАР»

Если верить разговорам, то единственным, что не пошатнулось после революции, был театр. Например, Московский художественный театр: достижения молодых и талантливых деятелей мне никак не давали покоя. Был и балет, хотя среди знаменитостей тоже, кто мог, бежали в Париж и Нью-Йорк. В Сибири мне попадались новости, что на той неделе как раз ставили «Синюю птицу», «Гамлета» и даже пьесу, которой я никак не мог ожидать, — «Человека, который был четвергом» Честертона. Так я пребывал в предвкушении, что целых три вечера подряд мне не придется тосковать в одиночестве. Кто же знал, что похороны господина «Мали-Маху» станут таким непреодолимым препятствием!.. Оставался только спектакль в еврейском театре в субботу. Мы попросили переводчика сопроводить нас и поскорей поспешили на представление. Оказывается, всё это время в Москве был один крайне именитый еврейский театр, хотя в тот вечер мы поехали в другой, новый ¹. В кассе на входе никого не было: выяснилось, что сегодня представление давалось за счет коммунистической партии. Внутри яблоку негде было упасть. Хорошо, что нашему провожатому удалось замолвить за нас словечко и нам даже выделили сидячие места. Как правило, от евреев не следует ждать подобной щедрости — видимо, это под действием столицы их характер так изменился.

Тот вечер навсегда останется в моей памяти. Изнутри помещение театра было узким и продолговатым, прямо за подмостками располагалась ложа, но места в ней были не для продажи. Она была затянута белым пологом, а сзади располагалась группа музыкантов. Иногда на белом фоне показывались тени говорящих или распевających — актеры повторяли реплики. Сценарий был написан на идише; на слух он походил на немецкий. Когда мы расположились, представление еще не началось, перед пологом стоял человек и громко о чем-то говорил. Попросите меня назвать кого-то с более ужасающей внешностью, чем у него, — я не решусь. Впадины глазниц у него были по-настоящему бездонны, а над ними нависал лоб с проступающими венами, словно утес, готовый обрушиться. Во время того, как он произносил речь, рот его принимал самые неестественные формы, угловато кривясь. Зубов у него не наблюдалось — сплошная чернота. В общем, внешне это был вполне законченный оживший скелет. Но при этом он говорил решительно и с чувством, с полной отдачей — так нескончаемая череда туч тянется над ущель-

---

¹ Речь идет о Московском государственном еврейском театре ГОСЕТ (до 1924 г. носил название ГОСЕКТ — Московский государственный еврейский камерный театр).

ем. Сказанное им, судя по всему, было связано с идеологическим контекстом сегодняшней постановки. Жаль, что я понимал только отдельные слова: Маркс, «Капитал», Ленин, интернационализм — все они мелькали, как звезды на ночном небосводе. Казалось, он вот-вот сорвет голос, но речи всё не было конца, а в говорящем всё еще оставался запал. Собравшиеся зрители начали потихоньку то-ропить его отдельными нетерпеливыми покашливаниями. Одно, другое, и вот господину-скелету осталось лишь выдавить саркастическую ухмылку, отвесить поклон и удалиться. Зал разразился аплодисментами.

Представление началось.

Или мне бы следовало сказать, что начался кошмарный сон. Кошмары обычно сопровождают нас в детстве: из стены вдруг вытягивается рука, в окне мелькает посиневшее клыкастое лицо, и так далее. Но тем вечером в еврейском театре мало не показалось никому, настолько правдоподобной была атмосфера. Особо впечатлительные даже не сдерживали криков.

Мне сложно описать всё, что происходило на сцене. Наверняка есть люди, которые скажут, что нет ничего проще, чем описывать нечисть, но я с ними не соглашусь. Я, конечно, не имею способностей к живописи, но даже мне понятно, что изобразить человека — задача не из легких, а от человека до духа — один шаг. Но общий смысл постановки я всё же смог угадать — здесь мне не удастся прикрыться своей несмышленостью. Расскажу вам о ней в общих чертах.

Такая пьеса не могла быть поставлена нигде, кроме Москвы. Столица России сама по себе представляется фабрикой по производству ужасов. Так что я не вижу ничего дурного в том, чтобы попробовать предложенное ею угощение, а в еде ведь полезно иногда переменить привычки. Ненадолго отказаться от сладких грез в пользу кошмаров — это всё равно что сделать перерыв на горькую тыкву или бамбук после фруктов.

Вы скажете, что уже видели достаточно страшного в драмах Стриндберга¹: спору нет, но в этот раз впечатлений было еще больше.

Основой для пьесы послужило стихотворение одного еврейского поэта (имя мне сейчас не вспомнить). Оно было написано около двадцати лет назад и целиком умещалось на одном развороте книги. Самого автора уже десять лет как нет в живых. Сегодня же собратья по искусству решили перенести его творение на подмостки, сопроводив музыкой и представив на суд московских зрителей².

¹ Август Стриндберг (1849—1912) — шведский писатель, драматург, реформатор театрального искусства.

² Спектакль, о котором идет речь, был поставлен по драме И. Л. Переца (1852—1915) «Ночь на старом рынке» (1907 г.). Постановка в ГОСЕТе во многом отходила от оригинального произведения.

Сцена была полна нечисти, но сами по себе умершие были не так страшны. Среди духов есть и такие, к кому подойдешь охотнее, чем к иным людям. Но в тот вечер черти были прямо-таки отборные, мне даже одно время стало не по себе — самому забавно теперь, когда вам об этом рассказываю.

Смысл этой пьесы (как я думаю) символический. Она представляется мне аллюзией на современную жизнь. К заднику сцены была прикреплена устрашающая ручища — сочленения и кости, отдающие металлическим блеском. Эта конечность, судя по всему, должна была символизировать рок. Но вполне возможно, что она означала давление капитализма, а всё разыгранное представление вращалось по ее мановению, словно ветряная мельница.

В пьесе было два существенных мотива: жизнь и смерть. «Жизнь» уже сбилась с пути, потерялась среди горных троп — «смерть» же неотступно следовала за ней. Голос ее раздавался в ущельях. Так она насмехалась, заигрывала, глумилась и соблазняла «жизнь».

Почему же «жизнь» сбилась с пути? Потому что ее придавил груз капитализма. Почему тогда нежить так осмелела и бродит теперь безнаказанно? Потому что у такой «жизни» впереди нет ничего, кроме кладбища вечности.

Задник сделался рынком. По сторонам — дороги; спереди мост, книзу — канава. Везде копошатся черти. Цвет, обстановка, свет, движения, звуки — всё выстроено сообразно, чтобы посильнее напугать зрителей. Как я припоминаю, первыми на сцену вышли четверо или пятеро детей, стонущих от голода и холода. Нечисть же донимала их своими забавами. Родители ребятни представляли собой угнетаемый класс рабочих, практически скот, день ото дня тощающий на своем поприще. Детям же было еще тяжелей: ни прикрыться, ни поесть. Из всего веселья только то, что предлагали им духи.

За детьми пришли двое рабочих — кузнец и плотник. Первый уже пробудился для борьбы и, распахнув рубаху, потрясал своим стальным молотом. Он был полон решимости расквитаться с капиталистами: голос «жизни» изо всех сил поддерживал его, подталкивал его к революции, а голос «смерти» вторил ему. Плотник же еще пребывал в забытьи — рабская жизнь вытягивала из него все соки, и «жизнь» могла лишь всхлипывать на его стороне. Смерть же и вовсе насмехалась над его глупостью.

На сцене показалась новая пара. Мужчина был пьян — то ли от выпивки, то ли от тягостей жизни; женщина же жила тем, что продавала себя. Очевидно, что продавала она отнюдь не плоть, но совесть; и запятнала она тем не свое тело, но непорочность всего человечества.

Следом пришли разбойник и женщина на сносках. Негодяй уверял, что это жизнь вынудила его убивать людей, а ныне закон выносит ему смертный приговор. Женщина же утверждала, что была обманута. Плод во чреве тяготит ее, она больше не может жить, поскольку утратила место в этом «обществе морали».

И таких групп было немало. Каждый рассказывал о том, как дошел до края, о том, как глядит в глаза бездны и готовится прыгнуть. «Жизнь» оплакивала их траурными песнями; «смерть» же все настойчивее звала их в свои объятия. Ну что ж, на этом моменте ваше нетерпение уже было удовлетворено?

Дальше будет еще интересней! Земля разверзлась — и из ее глубин наружу полезли мертвецы. Выбираясь, они строились в неровные ряды, сбивались в кучи, вставали полукругом, пятились и пошатывались. Это был танец мертвых душ — танец смерти.

Они толпились на пустой просторной дороге. Каждый был уродлив по-своему: были полностью сгнившие и еще только начавшие разлагаться, умерщвленные болезнью, холодом, недоеданием, трудом, родами (в том числе месячные младенцы). Утопленники, повешенные, удушенные в угольных шахтах, раздавленные механизмами, старые, молодые, мужчины, женщины, хромые, ползущие, воюющие, хныкающие, вопящие, плачущие, смеющиеся. Все продвигались вперед, наталкиваясь друг на друга, их тени заглушили весь свет. Мрак накрыл даже могилы. «Жизнь» и «смерть» тоже потухли. Толпа мертвецов продолжала свой танец в полной темноте... смерть победила?

Хватит! Должно же после кошмара наступить пробуждение! Продолжать этот пересказ для меня просто невыносимо.

Евреи действительно знают толк в ужасах. В тот вечер на сцене было никак не меньше пятидесяти чертей и мертвецов, и каждый был непохож на другого. Даже не так важно, удалась ли постановка, — у них получился подлинный «кошмар», а это уже немало. Действие пьесы завораживало: нечисть скакала, скалилась, выла, гоготала... чего там только не было. Происходящее в зале этому как минимум не уступало. Если бы Стивенсону¹ представился шанс побывать здесь, он бы точно описывал не постановку, но зрителей. Наверное, вы еще не забыли, что за представление в этот раз платили коммунисты. Театр же был еврейский. В зале нам удалось высмотреть порядка девятнадцати евреев, и все они были членами партии. У вас наверняка в голове уже сложился устойчивый образ «большевика» или «экстремиста». Английские и американские карикату-

---

¹ Имеется в виду Роберт Льюис Стивенсон (1850—1894), шотландский писатель и поэт, представитель неоромантизма.

ры, толки и пересуды предоставили вам для этого все необходимые материалы. Попробую предположить, что на ум вам сейчас придут примерно следующие их подвиды: мясник, палач, бородач, ди-карь, «Черный вихрь» Ли Куй, людоед, орангутанг, бандит, грабитель. Чернолицы, с взлохмаченными волосами, красными глазищами, усатые, с шерстистыми руками... А на поясе непременно болтается человеческий череп.

Поэтому я был особенно внимателен, решив, что уж на этот раз нужно «глядеть во все очи, запомнив навек»! Сначала меня постигло разочарование, потому что этих «гоминидов» было не отличить от их предков: распущенные бороды, рыжие брови, зеленые глаза. Но не тут-то было! Первое время сидеть среди них мне было беспокойно. Не то чтобы что-то мешало или покалывало; и не то, о чем Мэн-цзы говорил: «в парадных одеждах сидеть в угольной пыли»¹. Просто было как-то неудобно, словно я занял неположенное мне место. Но постепенно я успокоился. Первое, что я должен отметить, — обилие странных запахов. К разнообразию русских ароматов я привык еще в поезде, особенно если вспомнить тот случай на станции в Иркутске. Но это всё же была Сибирь. Кожаная одежда, растопка углем и пар от чего-то жарящегося создавали вместе неповторимое густое амбре. Сегодня, конечно, было гораздо легче. Хотя и это уже было достаточно крепко: табак², водка, дым... но главное — запахи, исходящие от людей. Я и сейчас не готов судить, назвать ли этот душок славянским, московским или сибирским. Вторым, на что я обратил внимание, была одежда. Обычно перед едой моют руки, а перед походом в театр переодеваются — таков порядок вещей. В Англии, когда рабочий идет смотреть спектакль, он все равно наденет галстук и хотя бы стряхнет пыль с плеч. В тот вечер всё было не так. Решимость, с которой «Гамлеты» нарушали устои, заслуживает глубочайшего уважения. Взору не удавалось зацепиться ни за более-менее опрятную накидку, ни за единую петельку. У меня даже родилось подозрение, что сегодня они и спать рухнут именно в таком виде, а завтра вновь встанут как ни в чем не бывало. Большинство голов покрывали кепки или черные фетровые шляпы набекрень, по остальным же никак нельзя было судить о продажах расчесок. Наличие в городе цирюльников также было под вопросом. Женщины были столь же непринужденными. Даже удивительно, до чего они дошли в своей раскрепощенности. И, по-прежнему, един-

---

¹ «В парадных одеждах сидеть в угольной пыли» (朝衣朝冠坐于涂炭) — цитата из «Мэн-цзы» (孟子). У Сюй Чжи-мо фраза записана как 穿了朝衣朝冠去坐在涂炭上.

² В оригинале использовано слово *тубайгу* 土白古, под которым, возможно, подразумевается табак.

ственной отрадой для глаз оставались их красные платки. Но самое любопытное — это эмоции на лицах. Если вы не были в России — истребите из памяти все пародии на большевиков или по крайней мере будьте готовы внести в них ряд уточнений. Если судить по тому вечеру в театре, пусть они и вправду отказались от буржуазной идеологии, превозносящей пристойность и соблазны безопасного бритья, пусть их гардероб далек от совершенства, несмотря на это, их облик был далеко не так строг. Вид у них вполне доброжелательный. Нравы их также выгодно отличались от пекинских театралов или публики в театрах южной Европы (хотя они и не дали господину-скелету проявить все свое усердие, на протяжении спектакля они ни разу не выказали неудовольствия или раздражения). В тот вечер, вероятно, был «дружеский» прием, поэтому пожилых людей также пожаловало немало. Всякий раз, когда я вспоминаю о чем-нибудь примечательном, мысль обязательно перескакивает на них. Выше я писал о «занимательном» — это как раз про них. Вы наверняка видели в комедийных лентах зрителей театров на востоке Лондона или Нью-Йорка. Так вот, они пожаловали разом все: борода до пола, в руках красные платки, но не для того, чтобы протирать глаза, алые язвы-розы на носу, изо рта подтекает слюна, согнуты почти пополам в поясище, хромые, беззубые, нижняя челюсть чуть вверх, лысые, с выпученными глазами... Вот уж действительно жаль, что у меня нет таланта Стивенсона, иначе я бы не стал с головой погружаться в разыгранный кошмар, а только бы и делал заметки и зарисовки соседей. Пользы было бы гораздо больше, чем от просмотра пьесы, да и вам было бы интересней читать.

11. МОГИЛА ЧЕХОВА

Среди городской суеты поэты не могут не чувствовать себя одинокими. Их «тоска по утраченному времени» дает выход грусти, а «ностальгия по былому» позволяет сохранить чуткость и добродушие. Но горечь «тоски» легко может захватить их целиком: чистый голос кукушки обернется тревожным уханьем совы. «Ностальгия» же, наоборот, есть самое прямое и естественное проявление эмоций. Воспоминания об ушедшем бережно кутают раны, оставленные одиночеством: на могильных холмах, в вечернем порыве ветра, в горах или возле вод приятно думать о некогда живших людях, воскрешать в душе блеск былых времен. Разрозненные небольшими кучками, словно цветы на склонах, неторопливо плывут по небесам облака, пропитанные цветом заходящего солнца. Скользят, завиваются или замирают, повинувшись легким дуновениям ветра, — так же, как и время.

Поддавшийся ностальгии, сам того не замечая, оказывается лицом к лицу с правдой о времени. Мало-помалу подступают мысли о его приливах и отливах, о неумолимом течении потока и опасных порогах, о необозримых пучинах, таящихся в глубине. Стоит лишь взгляду зацепиться за проплывающие мимо останки, и время показывает свой истинный беспощадный лик. На месте туговых полей возникают моря, пыльца обращается в прах, стебли — в хворост, империи — в сон, а сон — в дымку. Пламя оставляет после себя золу, камни — песок. Там, где некогда росли розы, теперь скапливается грязь. Ничто не минует этой участи... В одно мгновение все следы, оставленные нами, все наши желания и стремления становятся неотличимы друг от друга в сумеречном свете. Оттенки на холсте стусеиваются, и глаз больше не может опознать в них пейзажа: пригорки и овраги, рощи и долины... что же тогда наша жизнь? Тебе решать, какой ее увидеть. Тао Юань-мин уверял, что коль скоро в этой борьбе со стихией человек обречен рано или поздно пойти ко дну, не лучше ли ему сегодня любоваться видами Наньшани, сажать хризантемы и пить вино? ¹ В дальнейшем того же мнения придерживались Ли Бо, Су Дун-по, Лу Ю и другие поэты — все они решили последовать примеру предшественника ². В собрании «Девятнадцати древних стихотворений» так и говорится: у всякого начала должен быть конец и любая жизнь должна однажды завершиться ³. Желаящий бессмертия — глупец. Необходимо быть здесь и сейчас, наслаждаться каждым миготом, «вкушать вино, прельщая глаз шелками» — вот подлинная радость ⁴. С теми же мыслями взирал на заходящее солнце Цао Цзы-цзянь. Удел людей зятанут непроницаемым туманом: «следуя ветру — сменится курс, отчего — не поймаешь, занесет в облака — только небу извечному есть ли предел?» ⁵

¹ Имеется в виду строчка из стихотворения великого поэта Тао Юань-мина (陶渊明, 365—427) «Инь цзю. Ци у» (饮酒·其五 «Вкушение вина. Стих пятый»): 采菊东篱下，悠然见南山 «Срывая хризантемы у восточной изгороди, люблюсь горой Наньшань».

² Ли Бо (李白, 701—762), Су Дун-по (苏东坡, Су Ши 苏轼, 1037—1101), Лу Ю (陆游, 1125—1210) — знаменитые и прославленные китайские поэты.

³ «Гу ши ши цзю шоу» (古诗十九首 «Девятнадцать древних стихотворений») — произведения неизвестных авторов эпохи Хань (202 до н. э.—220 н. э.), которые в VI в. были включены в «Вэнь сюань» (文选 «Литературный сборник») Сюэ Туна (萧统, 501—531).

⁴ «Вкушать вино, прельщая глаз шелками» (不如饮美酒，被服纨与素) — строки из стихотворения «Цюй чэ шан дун мэнь» (驱车上东门 «Выезжаю на повозке через Восточные ворота», одного из «Девятнадцати древних стихотворений»).

⁵ Цао Цзы-цзянь (曹子建) — второе имя знаменитого поэта Цао Чжи (曹植, 192—232). «Следуя ветру — сменится курс...» — строки из его «Цза ши ци шоу» (杂诗七首 «Семь стихотворений о разном»).

К своему озарению о «спокойствии времени» пришел Чэнь Юань-лун: человек под луной лишь одинокий гость; каждый сам по себе¹. Даже сам Чжуан-цзы ничего не мог противопоставить уходящим годам². Заслонившись насмешкой, он выдумал себе иной мир, не скованный привычными рамками.

Поэтому можно сказать, что «поминать прошлое» — особенно подле надгробий — это пристрастие китайской интеллигенции. И кажется, что склонность эта передается через поколения. Я ощущаю влияние этой традиции на себе, когда всякий раз по приезде в новое место меня необъяснимо тянет к кладбищам на окраинах. Но если бы только так — образ могильного холма как будто сопровождает каждую из моих мыслей. Эти участки чуть вздыбленной земли сами по себе представляются мне в высшей степени любопытными, бурьяну на них быть вовсе не обязательно. Нет у меня потребности и в ветре, овевающем тополя. Бесспорно, сам по себе образ могилы заключает в себе и представления о смерти, но для меня их связь всё же не представляется неразрывной. Смерть видится мне чем-то очень плотным, почти материальным; захоронения же, напротив, наполнены какой-то чарующей пустотой. В минуты, проведенные рядом с ними, ток времени как будто ослабевает, перестает биться. Сперва сердцем овладевает легкий трепет, но чуть погодя душа обретает подлинный, ни с чем не сопоставимый покой — ей более нечего желать. Есть и еще одна причина, по которой я не люблю думать о смерти. Дело в том, что ее противоположностью является всем уже опостылевшая своею суетой «жизнь». Однако «смерть» не разрешает прижизненных хлопот, она лишь обрывает их. Она не плавное угасание, а простая остановка существования. Образ же «могилы» такой пары не имеет. Нет ничего, что было бы ему родственно или близко. Он вмещает, впитывает и покрывает собой всё. Он и есть чарующее ничто.

В этот раз, собравшись в Европу, я словно организовал себе затянувшийся день поминовения усопших. Мне удалось посетить немало знаменитых гробниц и захоронений, имеющих ко мне самое прямое отношение. В Москве я был у Чехова и Кропоткина; в Берлине побывал на могиле собственного сына³; в Фонтенбло почтил

---

¹ Чэнь Юань-лун (陈元龙, 1652—1736) — сановник при дворе цинского императора Шэн-цзу (на троне 1662—1772, девиз правления Кан-си 康熙), каллиграф.

² Чжуан-цзы (庄子, Чжуан Чжоу 庄周, 369—286 до н. э.) — знаменитый китайский философ, один из основоположников даосского учения.

³ Сюй Дэ-шэн (徐德生), второй сын Сюй Чжи-мо и его первой жены Чжан Ю-и (张幼仪, 1900—1988), родился в 1922 г. и умер в марте 1925 г. в Германии.

память Кэтрин Мэнсфилд¹; в Париже обошел памятники «Дамы с камелиями»², Гейне, Бодлера с его «Цветами зла», Вольтера, Руссо и Гюго; в Риме — Шелли, во Флоренции — Браунинг³; был и у Медичи и у Микеланджело; в тот же день добрался до Равенны посетить Данте, в Ассизи — Франциска⁴, в Мантуе — Вергилия⁵. При возможности бываю я и на менее именитых кладбищах. Сложно сказать, какие чувства меня посещают, это не волнение и не печаль. Я просто прохаживаюсь вместе с ветром между рядами надгробий, выжидая, пока солнце не начнет опускаться за горизонт — и лишь тогда я их покидаю.

Если вы соберетесь-таки в Москву, не рвитесь смотреть на Ленина — из него только делают живого, чтобы завлечь побольше людей (провалиться мне за такие слова!). Вместо этого советую вам потратить время на нечто действительно стоящее. У подножья Воробьевых гор располагается одно небезызвестное кладбище, некогда предназначавшееся только для аристократов. Тем не менее три поколения семьи Чеховых и Кропоткин тоже похоронены здесь. Три дня, проведенные мною в столице, были довольно сумбурными, однако в тот вечер мне наконец удалось стряхнуть с себя пыль московских улиц, прогнать наваждения еврейского театра и обратиться помыслами к минувшему. Возможно, другие люди предпочли бы для себя иное счастье, но с меня было довольно и этого. Храм возле кладбища назывался, кажется, Monestiere Vinozositch (перевести это можно «Храм божественной стойкости»⁶), но за точность не поручусь — если что, всегда есть возможность уточнить.

Среди всех мест погребения, которые мне в своей жизни довелось посетить, больше всего мне запомнилось кладбище в горах Кобе, отведенное под захоронения монахов и монахинь. Во-первых,

---

Позже его прах был возвращен в Китай и похоронен на родине Сюй Чжи-мо — в поселке Сяши уезда Хайнин (пров. Чжэцзян).

¹ Кэтрин Мэнсфилд (1888—1923) — новозеландская и английская писательница.

² Мари Дюплесси (1824—1847) — французская куртизанка, любовница Александра Дюма, ставшая прообразом главной героини в его романе «Дама с камелиями»; похоронена на кладбище Монмартр в Париже.

³ Здесь имеется в виду Элизабет Баррет Браунинг (1806—1861), английская поэтесса и переводчица Викторианской эпохи.

⁴ Франциск Ассизский (1182—1226) — католический святой, учредитель общества францисканцев, проповедник аскетизма.

⁵ Могила Публия Вергилия Марона (70—19 до н. э.) находится в Неаполе; в г. Мантуе, на его родине, ему поставлен памятник.

⁶ В тексте сказано 圣贞庵 — вероятно, имеются в виду Новодевичье кладбище и монастырь.

потому что оно отличалось какой-то естественной близостью к природе, к деревьям, траве и цветам. Во-вторых, потому что в южной его части располагались родники и всё время было слышно их бие-ние. И, наконец, в-третьих, потому что оно располагалось на возвышенности, откуда открывался вид на океан и соседние острова. В противоположность ему, наименее мне понравилось кладбище Мон-мартр в Париже. Пусть и вправду там можно увидеть Даму с каме-лями, впечатления всё же остались не самые приятные. А всё из-за того, что кладбище это было заточено в квадрат городских улиц; по соседству же располагался мост для трамваев. Любой самый миро-любивый настрой мгновенно улетучивался, поглощенный шумом вечно вращающихся колес. Больше я туда ни ногой. В Риме, у над-гробий Шелли и Китса, было не в пример лучше, но рассказ о них я приберегу для другого раза. Здесь же я хочу отдать должное тому московскому храму, пускай мне и трудно представить, когда я в следующий раз окажусь там.

Основное здание этого монастыря — из белого камня с золо-той тыковкой купола. Под боком также находится одна колокольня удивительной красоты — красная, на прямоугольном фундаменте. На самом деле, она изобилует цветами, но издали выделяются только три основных: белый, золотой и красный — преинтересней-шее сочетание. У ее подножия как раз и рассеяны многочисленные надгробья и склепы. Я пришел туда под вечер; снег под ногами на-половину растаял и идти не в резиновых сапогах было трудно. Трамвай подходил как раз к самому храму; за спиной оставались лесистые холмы — те самые Воробьевы горы, которые видели от-ступающие солдаты армии Наполеона. На территории монастыря даже воздух был другим, среди теней вечнозеленых деревьев, зане-сенные снегом, располагались безмолвные, затаившие дыхание над-гробия. Голубовато-серые платформы и приступки, продолговатые плиты, инкрустированные золотом башенки. Алтари — повыше и побогаче, пониже и победнее — все служили одной цели. Лучше всего о ней сказано в древних стихах:

Здесь лежит человек, навсегда погребен
Темнотой окружен, отрешенный от света,
У истока недвижим в загробной юдоли,
Тысячу лет ото сна не воспрянуть ему!¹

Постепенно продвигаясь вперед, мы начали замечать кое-что странное: среди могильных камней и надгробий немалая часть была повалена наземь, а металлические и каменные ограды стояли поко-

---

¹ «Здесь лежит человек...» — строки из упомянутого выше стихотворения «Цюй чэ шан дун мэнь».

сившись. Как я уже говорил, добрая часть захороненных здесь принадлежала к старой аристократии — сейчас же порядок переменялся, и их участь уже была незавидной. Яд классовой борьбы просочился и в эту обитель покоя: даже умерев, чуский Пин-ван должен был подвергнуться наказанию¹. Были и с пометами, и без оных, убранные и неприбранные участки. Кем бы ни были некогда ныне томящиеся под землей — такого отношения они не заслужили. Все это было хорошим предостережением для всех тешащих себя пустым прижизненным тщеславием.

Мы проплутали чуть ли не полдня, но так и не нашли могилу Чехова. Мой друг пошел спросить дороги, а я остался ждать. В этот миг вдруг стало светло (до этого погода была пасмурной), не пойми откуда показалось вечернее солнце и коснулось лучами золотого наверхия храма, озарив всё невообразимым блеском. Если вам не доводилось лицезреть подобной картины, додумать ее будет непросто. Даже отраженные в стекле лучи способны ослепить, чего уж говорить про огромный купол. Про себя я мысленно поблагодарил архитекторов прошлого за их прозорливость: я наконец узрел «волшебное сияние золота», описанное в «Путешествии на Запад» и «Возвышении в ранг духов» — в этом-то месте! И еще удивительней блистала та красная колокольня, казалось, превратившаяся в радугу, оторвавшаяся от земли и парящая теперь в воздухе.

На могиле Чехова (он похоронен рядом со своим отцом) было лишь каменное надгробие, с нанесенными на него именем и годами жизни. Вокруг тянулась стальная ограда, в пределах которой из полурастаявшего снега выглядывало несколько листков, очевидно, ранее опавших с соседних деревьев.

Я прислонился к ограде и подумал: если бы этот великий прозаик был жив, то каково бы ему было сейчас? Он больше всего любил юмор и в жизни также был на редкость остроумен: его вдова рассказывала нам, что и на смертном одре он просил, чтобы она не переставала шутить. Человека с чувством юмора трудно сломить или подчинить, но увидь он сегодняшнюю Россию, сегодняшний мир, посмеялся ли бы он? Были бы столь же легки рассказы, выходившие из-под его пера? Из раздумий меня вырвал внезапный звук за спиной. В Китае он бы меня не удивил, но в Европе я еще с ним не сталкивался. Я обернулся и увидел госпожу в черном одеянии, а подле нее священника в облачении (похожего на наших странствующих буддийских монахов). Вместе они читали молитвы. Под ве-

---

¹ Через несколько лет после смерти чуского Пин-вана (楚平王, ?—516 до н. э.) его могила была осквернена У Цзы-сюем (伍子胥, ?—484 до н. э.) — в знак отмщения за убийство отца и брата последнего.

чер среди замершей рощи и могильных камней их голоса раскачивались мерными маятниками. Едва я подумал, что их речь на самом деле предназначалась покойникам, по телу у меня побежали мурашки, будто и вправду в земле подо мной оживилось множество душ, внимающих поминовению. Тогда же раздался колокольный звон, двери храма отворились, выпустив наружу до того сдерживаемый свет от лампад. Из них рядами выходили монахини, с ног до головы облаченные в черное, и все как одна направлялись к другой постройке, неслышно ступая по талому снегу...

Могила Кропоткина была поодаль и ограничивалась одним надгробием, на этот раз из белого камня. На нем было указано, что здесь обрела покой великая душа — меня вновь охватила печаль. Раздался звон, указывавший на скорое закрытие монастыря — нас ожидало возвращение к мирской суете.

12. РАЗГОВОРЫ НОЧЬ НАПРОЛЕТ — НАСТОЯЩИЙ «ГЕРМАНЕЦ» СТАРОЙ ЗАКАЛКИ

Тем вечером у меня с собой в сумке были сигареты, сладости и мандариновое сладкое вино.

Под каждое из отделений спального вагона отводились две койки. Я занял верхнюю, он — нижнюю.

— Ты японец?

— Нет.

— Китаец?

— Да.

— Пьешь виски? Эй, бой! (Он подразумевал содовую, не виски.)

— Нет, благодарю. Закурим?

— В Париж едешь? Надолго?

— Нет.

— Я служил в органах — в охране у кайзера.

— Угу. Вам приходилось воевать?

— Если все считать — семьдесят две битвы наберется.

— Да вы герой! А кто был в противниках — англичане, французы?

— Всех били.

— Скольких вы убили?

— Три тысячи французов и еще тысячу англичан.

— Кто из них способнее в военном деле?

— Англичане. Французы никуда не годны.

— Почему же?

— Пьют много. И слишком любят женщин.

— Потому вы их и били, раз так отзываетесь о них. А французенки? Вам же наверняка представлялся шанс...

— Кхм, а что с ними? Нечистые они, понимаешь? Мало моются. Schmutzig¹, ха-ха.

— Но ведь они красивы, разве нет? Или не сравнятся с немками?

— Гм, ну есть красивые, да что с того. Нет от них толку — не в теле. Немошные они, понимаешь? Не годятся.

— Вы столько раз сражались, у вас были раны?

— Ха, взгляни! (Он высвободил руку и обнажил странной формы плечо — могло показаться, что у него перелом, такая большая впадина образовалась там. На сморщенную вокруг кожу было тяжело смотреть.)

— Но сейчас все в порядке?

— На, пощупай! (Он протянул руку, дав прикоснуться к своим стальным мускулам.) Я боксирую.

— Сначала джеб, потом хук — попал и готово. Я так тринадцать человек положил.

— Доводилось биться с американцами?

— Увы, но нет. Зато били французских негров. С этими даже неинтересно — все равно что кур гонять.

— Берите еще табака, прошу. А чем вы сейчас занимаетесь?

— Бизнес — одеждой торгую. Посмотри, всё, что на мне, — всё из собственного магазина.

— Хотелось бы вам вновь воевать?

— Спрашиваешь! Увидишь, всего десять лет, а мы побьем и Англию и Францию.

— И как вы думаете — это у вас получится?

— Русские подсобят, как раньше с Наполеоном. Французы тогда едва ноги унесли — до сих пор хромают.

— Ага, ну тогда вам и помощь Китая будет не лишней!

— Недурно, недурно! Германия, Россия и Китай — вместе перевернем мир. Опрокинем Францию, Японию, Америку, а об Англии и говорить нечего.

— Вы и японцев не любите?

— Не, японцы тоже не годятся, нет у них своей культуры. С культурой — это Китай, Германия. В Японии — обезьяны.

— Выпейте вина, прошу, желаю вашему союзу многих будущих побед! Давайте еще по стаканчику!

...

---

¹ Schmutzig (нем.) — грязный. В китайском тексте дается слово *сымоциси* 司墨漆希.

— У вас есть семья?

— Ты спрашиваешь, есть ли у меня жена? Нет, семья — это несвобода. Я делаю бизнес — сегодня здесь, завтра там... будет семья, так я буду... (Не может подобрать слово.)

— Handicapped? ¹

— Да, именно, Handicapped! Тело-то у меня в полном порядке! У тебя есть нож?

(Он наклонил голову и извлек крохотный ножичек из-под ремешка часов, на его лысеющей голове я заметил три рубца. Это мне напомнило Старика Шоу-сина ², и я, не удержавшись, рассмеялся.)

— Чего смешного?

— Как вы получили эти шрамы?

— Осколки от взрыва. Я стоял неподалеку, когда взорвалось. Прямо передо мной — я едва успел отвернуться.

— Вы упали в обморок?

— Ничуть не бывало.

— Вас доставили в госпиталь?

— Так точно, там я пробыл пять недель, и потом еще столько же дома. Это был конец семнадцатого года. К январю я уже вновь был в строю и немало французов передумал.

— Вы служили в пехоте?

— Да, в пехоте, специализировались против танков.

— Как же так, против танков? Они ведь одним видом ужасают, разве нет?

— Мне смешны французы. (К этому времени он уже раскрыл нож и дал мне потрогать его лезвие, чему я был крайне удивлен.) Как, по-твоему, — острый?

— Острый.

— Гляди (Он вытянул правую ногу, задержал дыхание. Рука держала нож острием вниз на приличной высоте. Хватка ослабла, нож просвистел мимо бедра и со звоном воткнулся в пол с характерным металлическим звуком. Затем всё повторилось еще раз.)

— Невероятно, просто невероятно. (Он довольно усмехнулся и просиял.) Вот так сноровка! Так значит, женщины вам не нравятся?

— Кхм, ну, бывает. Женщин много. Мы платим — они любят, ха-ха. Но воевать интересней, веселей.

— Не сомневаюсь. То есть вам не терпится снова в бой? Ваше правительство, конечно же, народная партия Германии? ³

¹ Handicapped (англ.) — инвалид.

² Шоу-син (寿星) — божество долголетия в китайской мифологии; изображается старцем, у которого в одной руке посох с тыквой-горлянкой, в другой — персик.

³ В оригинальном тексте дается название 德意志国民党. Вероятно, имеется в виду Немецкая народная партия — национал-либеральная партия периода Веймарской республики, действовавшая с 1918 по 1933 гг.

- Разумеется, посмотри на эмблему.
— Как вам кажется, у кого на выборах хорошие шансы?
— Победа конечно за нами — никого нет лучше генерала Гинденбурга!
— Вы с ним?
— На все сто.
— Прекрасно, так выпьем же за это — желаю вашей партии победы!
— (Он спросил.) Вчера в Берлине было представление — ты ходил?
— «Oscar Wilde»? ¹ По случаю премьеры задрали цены, и я не пошел. А вы?
— А я пошел.
— И как вам?
— Недурно, про Уайльда, что про него говорят, — тебе кажется, правда?
— Полагаю, что да. Любопытно это.
— Любопытно? Мне кажется, что это предрасположенность. В Китае такое есть?
— Исключения везде есть. А как с этим в Германии?
— Популярно невмочь. Совсем не редкость. В школах, казармах... в Берлине даже есть клуб, не слыхивал?
— Нет, не слышал. То есть у вас это уже не вызывает интереса?
— Ни малейшего. Поживи в Мюнхене — всё об этом узнаешь.
— Вот оно как. Вы, немцы, действительно великая нация. Однако час уже ранний, нужно отдыхать. Спокойной ночи.
— Спокойной.

Примерно такой забавный разговор состоялся у меня в ночном поезде Берлин-Париж. В тот день после того, как мы пожелали друг другу спокойной ночи, я улегся на подушку и сделал несколько заметок... по-английски. Сегодня, пересмотрев и найдя записи по-прежнему достойными внимания, я наскоро перевел их. И все-таки не следует ошибочно полагать, что вся Германия состоит из таких недалеких и грубых людей или что все они поголовно открыты к смене пола. Впрочем, подобных моему попутчику там действительно немало, и как знать, может быть, у Гинденбурга действительно хорошие шансы. Там я случайно встретил еще одного немца, моего хорошего знакомого. Он был полной противоположностью предыдущего собеседника. Проведя в баталиях четыре года, войну он не навидел как ничто другое... То был прилежный, образованный, ми-

---

¹ «Oscar Wilde», оригинальное название «Oskar Wilde: Sein Drama» (нем. «Оскар Уайльд: его драма») — пьеса немецкого драматурга Карла Штернхайма (1925).

ролюбивый, добрый и умный молодой человек. Жаль только, что образованность оседает у человека на подкорке — ведут себя такие люди сдержанно, вот и этот юноша на вид был невыразительным. Потому у меня бы ни за что не получилось описать его столь же живо, как того господина. Тот действительно говорил без обиняков, и был настолько же интересен, насколько и груб. Как вам кажется, много ли в образованном обществе людей, готовых проделать подобный трюк с ножом?

7 июня. Во флорентийских горах

13. КРОВЬ. МЫСЛИ ПО ПОВОДУ ПОСЕЩЕНИЯ МАВЗОЛЕЯ ЛЕНИНА

Среди побывавших в Москве, пожалуй, нет ни одного человека, кто не ходил бы посмотреть на «неувядаемое» тело Ленина. В тот день, ожидая возможности пробиться туда, мы промочили ноги в снегу (здесь мне более всего хочется извиниться перед сопровождавшей нас госпожой Ту из посольства, которая из-за нас осталась с насквозь мокрыми чулками).

Перед входом, обращенным на север, был помещен пробковый макет, изображавший земной шар. От севера до юга, от запада до востока, всё целиком было покрыто кровавым цветом. Сбоку прилагались пила и молоток, также запачканные кровью. От столь смелых и масштабных пророчеств сам Моисей, вероятно бы, потерял дар речи, так чего уж говорить о нас, простых смертных.

Я не решусь осуждать советский режим, на это я не годен. А даже если и был бы, то всё равно бы не стал. Критиковать на бумаге — значит заниматься наполовину подлогом, наполовину самообманом. Несколько лет назад я был куда смелей: Рассел ополчился против Советов, а я — против него¹. На что конкретно я напирал в то время уже и не вспомню, но могу привести здесь одну его фразу: «Когда я направлялся в Советы — я был коммунистом, но...» Смысл тут в том, что, приехав в Россию, он отрекся от своих убеждений. Тогда я не мог ему этого простить. Сейчас, когда я сам подышал здешним воздухом, передо мной не встал выбор, отказываться от че-

---

¹Бертран Рассел (1872—1970) — британский философ, математик и общественный деятель. В 1920 г. побывал в РСФСР, где встречался с В. И. Лениным. По итогам поездки разочаровался в большевизме, но не в левых идеях. В 1921 г. Сюй Чжи-мо переехал из США в Англию и поступил в Кембриджский университет на факультет политэкономии ради встречи с Расселом (которой тогда не произошло); в дальнейшем они состояли в переписке.

го-то или нет, так как особых предпочтений на сей счет я не имею. Но зато теперь я гораздо лучше понимаю перемену отношения, случившуюся с Расселом. Мне кажется, я сам представляю собой сосуд с устаревшими взглядами. Мне слишком дорога моя свобода, поэтому крайне маловероятно, что однажды я примкну к какой-нибудь идее. Также я весьма суеверен — порой практически до фатализма. Мир представляется мне слишком порочным; точечными изменениями тут уже не отделаться. Человечество должно осознать свои грехи и раскаяться, но отпущение потребует высокой платы. И взимать ее будут не ангелы и не демоны, но мы сами. И Москва готова взвалить на себя эту ношу. Эти люди верят в то, что Рай на земле возможен, но осознают и то, что от текущего порядка вещей его отделяет кровавое море. Лишь переплыв его, человечество достигнет Эдема. И так они предпочли сначала дать этому морю разлиться.

А теперь серьезно. Некоторое время назад ходили слухи о том, что в Китае тоже появляются признаки радикализации. Если честно, я не особо верил — дерево не даст плодов, если выбирать под него почву без знания дела. Но теперь от моей уверенности не осталось и следа. Воздух пропитан «враждой», через дыхательные пути она попадает внутрь, вызывая нарывы, гнойники и опухоли. Не скрыться и от ножа, который всегда наготове, чтобы разделаться с недоброкачественными новообразованиями. Не возьмусь судить о других государствах, но недуг, постигший мою дорогую Родину, уже слишком серьезен. Кровь отравлена, кожа обезображена проказой, организм поражают болезнетворные споры, душа вязнет в пороке. Возможно, «кровавое омовение» стало бы подходящим средством, но я не врач, чтобы принимать такие решения. Однако мне бы всё же хотелось обратиться к отдельным наиболее самоотверженным представителям молодежи. Я не сомневаюсь, что вы верите в успех коммунизма: тем, чей скелет непрочен, а кровь негоряча, трудно проявлять подобную стойкость и рвение в отношении какой-либо идеологии и еще труднее — быть готовым пожертвовать ради нее всем. Если хотя бы шестеро или семеро из десяти молодых людей будут столь же целеустремленными, за будущее нашей страны можно быть спокойным. Но в то же время я должен вам кое-что сказать, а вы уж не принимайте близко к сердцу. Все слова, которыми вы сейчас излагаете свои устремления, вам не принадлежат — они взяты взаймы. Вы не представляете, какой смысл за ними стоит. И еще одно: за любой идеал назначена цена, и навряд ли вы знаете, во что вам обойдется ваш. Иными словами, сколько бы мы ни говорили о «привкусе крови», испробовать его нам так и не приходилось. Вы все как один поощряете аресты и готовы патрулировать улицы, дабы самим вершить правосудие, но ведь есть занятия, куда более достой-

ные уважения, а главное — более радостные. Так Иисус обращался к матери, искавшей его: «Что мне, что Мне и Тебе, Жено? еще не пришел час Мой»¹.

Ученикам же он говорил: «Идите за Мною, и Я сделаю, что вы будете ловцами человеков»².

Также был и тот, кто спрашивал Иисуса о теле умершего старика — хоронить ли сначала покойника или же сразу идти за ним? На это Иисус отвечал: «Предоставь мертвым хоронить своих мертвецов»³.

Не смейтесь, что я знаю Библию наизусть. Я понимаю, что вы не верите — я сам не верю, но это цитаты. Привожу же я их для наглядности, для сравнения, думаю, вы поймете. Те методы, которыми вы руководствуетесь сейчас, скоро поставят вас в положение, когда вы не сможете определиться, что же всё-таки легче — сесть тигру на спину или слезть с нее? Пока вы на этапе размышлений и построения теорий, на этапе написания статей. Пока все поступки ограничиваются листом бумаги, дела, в целом, идут неплохо. Если что-то из прогнозов не сбывается, то всегда можно помочь им сбыться. А потом ты и вовсе забудешь, что собственноручно подрезал углы — будешь думать, что квадрат всегда был круглым. Но если однажды придут люди и протянут вам факел и нож, призывая идти в родную деревню и жечь дома и резать людей, — осмелитесь ли вы? Можно привести и более щадящий пример. Допустим, однажды вам захочется прочесть чей-нибудь роман, предположим, того же Толстого, но вам скажут, что его книг нет в продаже. Их не просто теперь не купить, но даже те, что есть на руках, читать уже не положено, — что вы скажете на это? Не будем говорить о том, как ситуация обстоит в Китае. Свободы у нас, на мой взгляд, куда больше, чем в прочих странах, порой даже чересчур много. Никто не осуждает нас за брань и клевету, кроме, быть может, нашей собственной совести, но и ей не всегда есть дело до таких пустяков. И вдруг однажды эта свобода будет сведена к нулю бестелесной силой госу-

¹ Для перевода был взят фрагмент синодального перевода Библии (Ин. 2:4). В оригинальном тексте друг за другом приводятся две цитаты: 妇人，去你的！ и 你们要跟从我， точного соответствия им в новом китайском переводе Библии найти не удалось. Второй — Лк. 9:23 («Ко всем же сказал: если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя и возьми крест свой и следуй за Мною»).

² Для перевода был взят фрагмент синодального перевода Библии (Мк. 1:17). В оригинальном тексте отрывок выглядит так: 就得渔夫抛弃的网，儿子，他的父母，丈夫，他的妻儿 («И должен рыбак оставить сети свои, и детей своих, и родителей, а муж — жену». — *Примеч. переводчика*).

³ Для перевода был взят фрагмент синодального перевода Библии (Мф. 8:22). В оригинальном тексте данный фрагмент не оформлен как цитата.

дарственного принуждения — что тогда? Конечно, вам тогда захочется быть в первых рядах, быть с властью имущими, но ведь такого шанса может и не представиться.

Москва же как будто бы сочла, что может вершить чужие судьбы. Если где-нибудь в мире, неважно где, прольется кровь, им будет казаться, что они стали еще на шаг ближе к мечте. И если вы посмотрите их глазами, то это не покажется вам абсурдным. Наоборот, всё крайне закономерно.

Однако здесь (тут я почесал в затылке) необходимо еще раз всё обдумать. Нам нужно спасти самих себя. Возможно, на этом пути нам не избежать кровопролития, но почему же непременно нужно заимствовать чужие идеи? Коль скоро кровь будет нашей, то зачем же заимствовать идеалы, ради которых она будет потрачена? Хорошо, в унисон повторяют они, пускай это будет не Москва, а Интернационал. Тогда что их — то и наше. Но я уверяю, всё это обман. Разговоры о мире, гуманности — даже под вывеской интернационализма — еще нужно обдумывать. И реально — убийства и кровопролитие тоже теперь должны быть интернациональны? Если вы не найдете свой собственный путь, а так и будете прислушиваться к чужим мнениям и лишь «желать перемен», то, заявляю, вы еще попросту не готовы. Так вы только попусту растрчиваете свои силы, свою драгоценную кровь!

В Англии есть Макдональд — наглядный пример такой нерешительности¹. Можете полюбопытствовать и поизучать его речи и проекты. В Италии есть обратный пример — Муссолини. Пусть фашизм ни мне, ни, вероятно, вам не по нутру, но от работы Муссолини не прячется — это факт.

Мандарины в России стоят семь с половиной мао за штуку — почему так случилось? Налоги внутри страны высокие, а большая часть собранных средств отправляется в другие республики в виде дотаций. Поэтому стоимость жизни неизбежно растет. Огромное количество людей среди простого народа живет буквально на черте бедности! Вас могут не порадовать такие сведения; я же только надеюсь, чтобы нам самим не потребовалась их помощь — тогда их бремя станет еще тяжелей!

Я не из тех, кто поддерживает этатизм, но, затрагивая вопросы революции, невольно задеваешь и эту тему. Почему мы не можем сами отвечать за нашу собственную судьбу, а должны полагаться на импортные идеи? Такая упадочность постыдна.

---

¹ Джеймс Рамсей Макдональд (1866—1937) — британский политический и государственный деятель. Накануне написания Сюй Чжи-мо путевых заметок занимал пост министра иностранных дел Великобритании (январь-ноябрь 1924 г.).

Английскую революцию осуществил Кромвель; французскую Руссо, Дантон, Робеспьер и Манон Ролан; итальянскую — Мадзини и Гарибальди; русскую — Ленин. Об этом необходимо помнить. И если отец китайской революции — Сунь Чжун-шань, то будьте бдительны, не позволяйте заморским гостям пялиться на него в гробу!

29 мая 1925 г. Во флорентийских горах

* * *

*Лу Сяо-мань¹
12.03.1925*

Что написать тебе? Сегодня как проснулся — полдня менял деньги. Сейчас сижу в одиночестве, жую сладости, их вкус уже начинает надоедать. На сердце же вновь легла печаль. Вроде бы еще не пересек границу, но в этих местах всё уже ново и незнакомо. Не хочется окончательно предаться тоске. Нужно побыстрее написать проклятое письмо — от топтания на месте никакого толку. Но о чем писать? Рассказать о чувствах? Никакого места не хватит. Остается фиксировать факты. Итак, если вкратце:

День первый. В хутуне Суншу² за номером семь поделили заработок. На станции гам провожающих — Сяо-мань, лучше заткни уши!

День второй. Проспал до двенадцати, в вагоне-ресторане натолкнулся на пожилого корейца, едущего тем же курсом, в полночь доехали до Шэньяна. Остановились в японской гостинице.

День третий. С утра беспорядочно валил снег. Доехал на повозке с рикшей до города — пошатался по улицам. В три — с корейским попутчиком поехали в Чанчунь. В поезде играли в карты — проиграл денег — заболела голова. По обе стороны снежный пейзаж и над ним — солнечный диск. Промчались сутки. В десять вечера пересели на российский поезд, выпил лимонного чая. Во сне немного простыл и подхватил насморк.

День четвертый. Рано приехали. Слуг у корейца навалом. В банке «Маое» поменял у евреев денег, купил сладостей, поел¹. Написал письмо.

¹ Лу Сяо-мань (陆小曼, 1903—1965) — вторая жена Сюй Чжи-мо, художница и драматург. Сюй Чжи-мо женился на ней в 1926 г.

² В здание номер семь хутуна Суншу (松树胡同) переехал после реорганизации клуб «Новолуние». Изначально общество располагалось в здании номер семь хутуна Шиху (石虎胡同).

Дальше поехал уже один (попутчика еще на неделю задержали какие-то дела), тем же вечером уже был в Маньчжурии. Следующим днем — в Сибири. Так уж мне, видимо, было предписано судьбой в этот раз — без товарища ехать, что, в общем, тоже недурно. Можно, как говорится, «поберечь слюну» — меньше буду трепаться, больше размышлять. Больше напишу, прочту. Так устал, что валюсь в сон прямо на сиденье, а день опять клонится к закату. В пути быть еще шесть часов: ну и кто мне изволит сказать, чем занять себя?

По дороге я предстал перед языковым барьером. Я всегда считал себя довольно смышленным и хватким в плане общения, но в этот раз мог буквально почувствовать, как делаюсь глупее. Сегодня утром натолкнулся на лоток со сладостями, их продавала девушка с длинными русыми волосами и в юбке, отороченной белым — до чего прелестна! Я пробрался к ее лотку сквозь утренний ветер. Губы у меня и так уже подстыли на холоде, а как я ее увидел — так вовсе онемел, простоял истуканом невесть сколько. Так ведь и ушел от лотка ни с чем. А она смеялась...

Да уж, без бороды тут приходится нелегко. Когда меня спрашивают, откуда я приехал, говорю, что от Пекинского Университета. Все почему-то принимают меня за студента. Сегодня утром за столиком обмена валюты евреи группой окружили меня, приняв попросту за подростка, но потом, посмотрев в паспорт и обнаружив там скромную запись «профессор», они все удивились до того, что даже поменялись в лице. Скажи, разве это не забавно?

Люблю эту остроконечную телегу — совладать с такой может только здоровенный русский мужичина в меховой шапке. Вся улица в кромешном раздразе — никогда не угадаешь, в какой момент и какая повозка перевернется. До чего увлекательно бывает наблюдать со стороны, но куда интересней прокатиться самому.

В обед попробовал забуриться в маленький русский ресторанчик. Стоило мне войти, как целая стайка наманикюренных девиц задрала голову, чтобы рассмотреть меня. Я так смутился, что ничего не оставалось — пришлось выбежать. Никогда раньше не обращал внимания, что там бывает надето у девушек на голове и ножках, но сегодня почему-то полдня не мог отвести глаз — как же они всё-таки очаровательны!

Искал книжный прилавок. Не преуспел. Остается отправить пакет сладостей, раз уж с книгами туго (вкусности, прямо скажем, прескверные).

---

¹ Банк «Мао е» (懋業銀行) — банк с китайско-американским капиталом, основанный в 1919 г. в Пекине.

Где-то дня через четыре письмо придет в Пекин и лишь потом — дальше к вам. Сяо-мань, пожалуйста, береги себя. Мое сердце трепещет, словно я и не покидал столицы и уже сегодня смогу вас всех увидеть. До встречи!

Мо
12 марта

* * *

Друзьям по издательству «Новолуние»
14.03.1925

Дорогие мои, где вы, когда я пишу это письмо? Солнце еще не спряталось за горы, так что я полагаю, вы все чем-то заняты: кто-то до сих пор не покинул аудитории; кто-то спешит с поручениями; кто-то уже освободился и неспешно прогуливается по парку, а кто-то и вовсе готовит кисть и тушь или замешивает краски... друзья мои, я так скучаю по вам!

Сейчас я в тех краях, где большинству из вас побывать пока не довелось. Вы все слышали о сибирском Байкале — сегодня мой поезд как раз огибал его. Прямо сейчас я сижу возле окна и степенно вывожу иероглифы: по левую руку от меня — крутые скалы и обрывы, а по правую — то самое непомерное озеро. Да какое там озеро — целое снежное море! Одному Богу известно, как глубока вода под слоем льда; на противоположном берегу могущественно вздымается горный хребет — бесчисленные снежные вершины в вечернем тумане будто бы упиваются своим величием. Солнечный свет здесь особенно пронзителен, хотя по-настоящему расцветает только после полудня. Не видать даже завитка облаков, лишь над озером слоится тонкая дымка, а на том берегу какие-то бронзовые ключья карабкаются в высь — на закатные склоны. Я буквально только что закончил письмо одному другу, в котором живописал здешние снежные земли и их спокойствие, словно бы некую достопримечательность — пейзаж вокруг действительно подталкивает к грезам. Когда перед тобой высится массив великой природы, душа невольно полнится переживаниями, и пусть сам я лишь ничтожный муравей в этом хрустальном дворце, в сердце моем за одно мгновение проносится бесчисленное множество мечтаний и переживаний, мне хочется порвать оковы брэнного тела и в едином порыве воспарить к всепокрывающей синеве небосвода.

Друзья мои! Я так давно порывался написать вам (поверьте, не было и минуты без мыслей о вас!), так давно собирался взяться за перо... но в этом пути я постоянно отягощен сменами поездов и

всё выжидал хотя бы пару часов передышки, чтобы как следует собраться с мыслями. Белоснежные цепи холмов, отороченный сосновой хвоей берег — всё это должно бы вдохнуть свежесть в того, кто пропитался копотью людской суеты, но тогда во мне были лишь беспокойство и раздражение. Однако сегодня как не ценить мне морозный Байкал? Где еще моему сердцу будет так спокойно переживать мгновения и вспоминать вас? Поэтому я воспрял духом и взялся за послание вам.

Буду откровенным, сегодня я вспоминал не только вас, но и «Новолуние».

Накануне моего отъезда из Пекина ко мне подошли несколько знакомых, прознавших о том, что я собираюсь в Европу, — они поделились со мной своими переживаниями по поводу издательства. По их словам, мой отъезд может плохо сказаться на деятельности «Новолуния» и может причинить немало неприятностей, хотя вряд ли дело дойдет до закрытия. Мне было тяжело слушать их речи, потому что я понял: такое обывательское отношение к нашему занятию весьма поверхностно. Но, конечно, не стоит и чрезмерно удивляться: несмотря на то, что всё это от и до наша инициатива, по сей день не было заметно каких-либо значимых достижений нашего «управства». Поэтому кого еще, как не себя, винить за недопонимание или даже разногласия с людьми со стороны? И поскольку инициатива исходила в первую очередь от меня, считаю, у меня есть полное право высказаться здесь по этому поводу.

Объединение всегда вещественно, а идеал — незрим. «Новолуние» сперва было просто сплетением идей, общих надежд, в то время как само название только и бытовало, что на устах нескольких людей, не имея ничего общего с тем, что сейчас творится в хутуне Суншу за номером семь. Что тогда было нашей мечтой? Разумеется, мы были всего лишь кучкой книжечеев с общим стремлением! Нам хотелось писать пьесы, совместными усилиями редактировать написанное и самим же ставить. Если получится — приглашать на наши спектакли зрителей, а не получится — так нам и без зрителя будет весело. Мне горько писать это теперь, но за прошлый год постановка «Читры»¹ собственными актерскими усилиями — это чуть ли не единственное наше стоящее дело, да и то нужно сказать спасибо именинам Тагора, торопившим нас². Конец прошлого года мы опять же чуть ли не месяц провозились над тем, чтобы сыграть миниатюры Си-линя, но спектакля так и не вышло, отчего —

---

¹ «Ч и т р а» (契訣腊) — одноактная пьеса Рабиндраната Тагора (1861—1941), написанная в 1913 г.

² Тагор в 1924 г. посетил Китай. Сюй Чжи-мо был его переводчиком.

не знаю¹. Что касается задумок, то в голове то и дело возникают мысли: можно и так, а можно и эдак, но на выходе по-прежнему ничего...

К тому же наше издательство слишком многим обязано господину Хуан Цзы-мэй, его стараниям, упорству и труду². Пусть мы и переживаем не лучшие времена, но над головой всегда была крыша; была даже какая-то кухня и утварь, так что всё еще далеко не так плохо. Всё — кроме издержек. Учредительные расходы поделили между собой г-н Сюй Шэнь-жу (мой отец) и как раз г-н Хуан. Насколько мне известно, денег им так и не вернули. Все наши бытовые расходы, конечно, покрываются только нашими собственными ежемесячными взносами; если исходить из нынешнего нашего состава, то при условии, что каждый член клуба будет своевременно вносить свою лепту, кое-как в ноль мы выходить сможем. Таким вот образом можно было чуть снизить финансовое бремя. Но на деле получить полную отдачу от издательства было довольно тяжело — затраты никак не удавалось сократить. Стоит только поднять отчеты за январь и февраль, и станет понятно, что наши долги уже тогда исчислялись сотнями. Оказавшись в должниках, к кому в первую очередь стоит обратиться за помощью? Разумеется, в местное управление. Но ведь нельзя же беспокоить их по любому поводу, да еще и на постоянной основе. Тем временем г-н Хуан занимался чуть ли не всей черной работой для издательства. Он был за управляющего, все дела издательства — что мелкие, что крупные — не могли обойтись без его участия. Он никогда не просил о вознаграждении, а нам опять приходится залезать к нему в карман — чем же такое «снабжение» лучше воровства? Это просто неприемлемо! Неудивительно, что, услышав новость о моем вояже в Европу, он так и вытаращил глаза. Он отговаривал меня, сетовал, что это я вот так намеренно выбиваю почву у них из-под ног, и он костями ляжет, но удержит меня. И ладно бы он просто переоценивал мою важность для нашей затеи с издательством, но у него ведь действительно был повод для беспокойства. Здесь нет нужды распространяться об этом подробно. Стоит лишь сказать, что, столкнувшись с каким-либо вопросом, он всё время искал меня, а если я сейчас уеду, то товарищи из клуба совсем отобьются от рук — перестанут вносить взносы, откажутся посещать собрания. Каково тогда придется старому доб-

¹ Дин Си-линь (丁西林, 1893—1974) — китайский драматург, физик и общественный деятель, один из инициаторов «Движения за новую культуру» (新文化运动).

² Хуан Цзы-мэй (黄子美) — китайский предприниматель и журналист; сотрудничал с газетой «Рассвет» (晨报).

рому Хуану? И как после такого обращаться к нему за помощью в трудную минуту? Сначала мы хотели отплатить ему за помощь тройным усердием в делах, и нам самим было радостно от подобных мыслей. Всё равно ведь: взяться за такое дело, как организация издательства-клуба, — не просто забава. Проще говоря, во всех невзгодах г-на Хуана можете смело обвинить меня. А ведь ему ничего не стоило раздобыть пистолет и пойти спросить с меня всё, что полагается! Поэтому я настоятельно прошу всех вас вместе и каждого по отдельности: хотя бы из целей сохранности моей жизни — не дайте погибнуть нашему общему делу!

Само собой, это я уже перегибаю палку. Но ведь, если быть предельно серьезным, довольно многие из присоединившихся к нашему делу людей хоть и клялись в искренности своих порывов, но на деле не переживали и минуты ни о цели, с которой всё началось, ни о возможных перспективах. Если бы было наоборот, дела бы уже давно пошли в гору. У общества нашего полным-полно оборудования (и не самого плохого!), вот и продадим его, пока не поздно: как раз на Сицзяомине¹ есть одно место — уж не знаю, найдется ли спрос и удастся ли вообще на этом хоть что-то заработать! Строить — тяжело, разрушать — еще сложнее; делать качественно — тяжело, делать спустя рукава — еще сложнее! Пусть наши товарищи-банкиры прикинут стоимость. Те же из нас, кто имеет связи в политике, пусть тоже подумают, чем они могут помочь. В любом случае, надо уже погасить долги и дать людям разойтись — так и покончим с этим.

Но такая дорога омрачена грустью и ведет в никуда; нужно изо всех сил постараться выбраться на тропу, залитую светом. Сейчас даже необязательно спрашивать сотрудников издательства: а хотят ли они, чтобы наше дело продолжало жить? Издательство по-прежнему на месте, нам попросту нужно сплотиться и всё пойдет на лад. Вопросы только к нам, сплотившимся уже в «Новолунии». Мы должны определиться: чего же в конце концов мы хотим? Мы — несколько учредителей — должны признать: за те два месяца, что мы занимаемся издательством, мы практически никак не проявили наших талантов. Сегодня обстановка такова, что мы ведем дела не просто посредственно, но просто никуда не годно! Мы выставляем себя не просто трусами, но самыми что ни на есть лентяями и лицемерами. А нам бы тем временем пристало уже показать все свои достоинства — не только ради людей, но и ради самих себя. Это наш первейший долг! Сейчас наши собрания больше напоминают поси-

---

¹ Хутун Сицзяомин (西交民巷胡同) — самый длинный хутун Пекина, расположен в районе Сичэн (西城区); с начала XX в. — финансовая улица, на которой было открыто множество банков.

делки по интересам: с комфортными диванами, аппетитными закусками, свежей периодикой... И всё бы ничего, но ведь посиделки (или того хуже — застолья) не были нашей целью! Собрания мы проводим, это правда: было у нас и новогоднее собрание, и собрание по случаю праздника фонарей, и чтоб поиграть на цине, и чтоб обсудить живопись, но это ли свет Луны, о которой мы так мечтали, это ли вершина наших талантов? Такое ощущение, что добавь к нашим посиделкам чаю и вина, и нам уже больше ничего не потребуется. В чем же тогда наше отличие от этих «господ и дам» и их времяпрепровождения? Получается, наше Новолуние — это старый мир в новой обертке? Да и есть ли хотя бы обертка?

Этот мелкобуржуазный душок... как же он невыносим!

Но в то же время, чувствительные мои друзья, могу сказать, что я обнаружил немало примечательных вещей, связанных с нашим издательством. Поскольку среди нас есть несколько банковских служащих, то о нас говорят уже практически как о финансовой структуре. Поскольку среди нас есть пара людей из правительственных учреждений, нас называют чуть ли не партией. Поскольку среди нас есть и товарищи по Пекинскому университету, нас именуют образовательной структурой. А поскольку среди нас есть и мужчины и девушки — кто-то и вовсе говорит о нас, как об экстремистах. Подобных речей может быть сколько угодно, но все эти измышления напоминают мне ворочающегося на кровати человека, вдруг возопившего: «На помощь!» Во сне ему привиделось огромное чудище, так и жаждущее сожрать его, но на деле — это всего лишь маленькая блоха, вдруг прыгнувшая ему на живот! Блох-то мы не боимся, но вот похоронить талант дело куда страшнее, да и стыднее!

Сейчас мне, когда я один в бескрайних снегах Сибири, сотрясать воздух бессмысленно. Думаю, если в будущем нам еще предстоит решать какие-то задачи, то необходимо действовать сообща — никак иначе. Что нужно нескольким людям, так любящим предаваться грезам? Немного сил и чуть-чуть безрассудной смелости. Если мы будем вместе, какое дело останется нам неподвластным, за силье какой эпохи устоит? Так некогда семья Россетти — особенно Данте и Кристина — проложили новый путь в искусстве, а Бернард Шоу с четой Уэбб сделали то же для кругов политических и общественных. «Новолуние», «Новолуние»... возможно ли, чтобы наша луна оказалась бумажной? Друзья! Повремените немного, когда доберусь до Альп — я напишу вам вновь!

*Сюй Чжи-мо
14.03.1925
Сибирь*

* * *

Лу Сяо-мань
14.03.1925 (из Маньчжурии)

Сяо-мань:

Вчера ночью проехал Маньчжурию. Пересекся с Фэн Дин-и — оказалось, он тоже с тобой знаком¹. Трудный этап, можно сказать, пройден, но я всю дорогу стараюсь быть тише воды, ниже травы — страх «красных господ» никуда не делся. Они могли зайти в любой момент, но, хвала Небесам, пока всё обходится. Сегодня в три пополудни доберусь до Читы, там тоже ожидаю встречи с несколькими знакомыми. Этот международный поезд действительно неплох — мое путешествие складывается как нельзя более удачно. В просторной одноместной комнате невероятно комфортно. Я закрываю глаза и представляю, как я бы мог провести здесь медовый месяц с «нею»²...

А ведь эта Сибирь не так уж и страшна. Подумаешь, небеса здесь отдают холодом: пока в сердце осталось тепло — мороз не страшен! Вот только с провиантом в пути есть определенные проблемы. Например, со вчерашнего вечера вплоть до сегодняшнего дня в буквальном смысле не было ничего съестного. Да и остаться без чая тоже не легче — нечем промочить горло. Вчера мне даже пришлось поголодать — перетряхнул все ящики, но без толку. Я не нашел ничего, кроме сушеного мяса, которое заботливо сунул мне Чэнь Бо-шэн перед отъездом, но оно уже приняло вид окончательно непотребный. Вспоминаю и немного виню тебя: ты ведь так и не взяла мне фруктов в дорогу. Когда иду ко сну, спохватываюсь, что нет пижамы, и опять сетую на твою рассеянность. Ну прямо никакой пользы мне от тебя нет! Но ты не думай, я вовсе не зол, ты же знаешь, это я так, понарошку.

В одном вагоне со мной едет итальянец — очень забавный, а разговорчивый, ну просто мочи нет. Борода у него намного длиннее твоих волос, а стоит ему начать дымить, так я и вовсе начинаю переживать, как бы не случился пожар.

Также с нами едут несколько немцев — эти чуть менее колоритны, да пара соотечественников (студенты) — с ними я почти не пересекаюсь. Англо- или франкоговорящих нет ни одного. Еще каких-то шесть дней — и я буду в Москве. А как бы мне еще хотелось

---

¹ Фэн Дин-и (冯定一) — возможно, Фэн Дин (冯定, 1902—1983), марксистский философ и работник просвещения.

² С «н е ю». — Вероятно, имеется в виду первая жена Сюй Чжи-мо, Чжан Ю-и.

хотя бы проездом побывать в Санкт-Петербурге, чтобы как следует там прошвырнуться!

Я и сам себя корю то и дело: если бы я сразу знал, что поездка через Сибирь такое нехитрое предприятие, — я бы освободил место в сумке, упаковал тебя в нее, да и взял бы с собой, вот было бы здорово. И сейчас я абсолютно серьезен. Как ты провела те несколько дней после моего отъезда? Я всё время думаю о тебе и волнуюсь — скорее, поспеши написать по моему предстоящему адресу в Англии: если я доберусь дотуда и не получу твоего письма, то тогда уже обижусь по-настоящему! Как я помню, ты собиралась вернуться к семье: раз уж решила, так не тяни, скорей переезжай, прибери как следует квартиру и побольше читай и занимайся делами.

Как твоё здоровье? Не забывай принимать «Санатоген»!¹ Учащалось ли ещё сердцебиение? Всё, что сама считаешь нужным мне поведать, — сообщи. Если сможешь взяться и написать хотя бы несколько рассказов — неважно какого качества и свойства, — отправляй, я всему буду рад.

Ты виделась с несколькими людьми — каковы они? Хочу знать всё, скажи, во сколько встаешь по утрам? Хочу написать письмо в газету «Рассвет», но всё никак не соберусь с мыслями и силами. В поезде так неудобно писать — ленюсь даже сочинять письма домой. Будь так добра, передавай известия о моем путешествии всем остальным. Напиши письмо в Чжэцзян, в Сяши на имя Сюй Шэньжу². Скажи ему, что я забыл перед отъездом альбом с рисунками слив Цзинь Дун-синя — они так красивы!³ Не веришь — я нарисую тебе несколько на полях.

*Мо
14 марта*

¹ «Санатоген» (кит. версия названия 散拿吐瑾) — разработанный в Германии препарат, распространенный в Китае в начале XX в. Применялся для тонизирующего эффекта, укрепления нервов и восстановления организма.

² Сяши (硤石) — поселок в уезде Хайнин пров. Чжэцзян, место рождения Сюй Чжи-мо. Сюй Шэнь-жу (徐申如, 1872—1944) — отец Сюй Чжи-мо, предприниматель.

³ Цзинь Дун-синь (金冬心, 1687—1764) — мастер гравировки, поэт, каллиграф.

Xu Zhi-mo.**Notes on the Voyage to Europe — Travel Journal from Siberia.****Translation by I. Alekseev, comments by A. Chechetkina**

Nowadays, Xu Zhi-mo is mostly renowned as a distinguished romantic poet of Republican China, who tragically died in an air crash. However, during his lifetime he also was a prominent essayist, actively seeking a proper way for his country to advance into the next stage of state building. Presented travel notes were drafted while poet was crossing Siberia on his way to Europe. These pieces of writing include portraits of common folk, sketches on the background incidents and events, carefully selected details, as well as reflection about the early state of affairs in newly established USSR and its applicability to the Chinese society. Thus, as we approach the centenary of Xu Zhimo's voyage, all these materials may help scholars more accurately reconstruct the picture of the days past.